

A romantic scene featuring the silhouettes of a man and a woman embracing on a bridge railing. The background is a soft, hazy sunset sky with a single bird in flight. The railing has a decorative, arched pattern. The overall mood is intimate and serene.

СЕЛФИ НА МОСТУ

ДАННИС ХАРЛАМПИЙ

Макс богат, своеволен, дерзок. Каждый его день — праздник, каждый новый знакомый — поклонник. Но ему уже давно хочется спокойной, серьезной жизни. И Анна как нельзя кстати встречается ему на пути, миловидная, умная, целеустремленная девушка — о такой он и мечтал всю жизнь. А кто были его предыдущие подружки? Чики из ночного клуба, львицы с душонками гиен. Они говорили шаблонами, печатали с ошибками и вели активную пропаганду, что жизнь одна и нужно брать от нее все. Глупые, размалеванные существа, с пухлыми губищами, невинными глазками, и в голове — пустота. Теперь с Анной Макс счастлив: он начал самостоятельную жизнь, женился, зачал ребенка. Но только к резким поворотам судьбы он оказался не готов. Ребенок рождается с серьезным ущербом. Для Макса такое событие — большое потрясение. Нет ничего ужаснее, чем больной ребенок, и иметь такого ребенка-инвалида не входило в его прекрасные жизненные планы. Его как бы изначально записали в элиту общества, где все по жизни вкусно и гладко. И ни один из его сценариев даже не предполагал чего-то плохого. А тут еще и с делами не все удачно. Семейный бизнес дает течь, и вскоре Макс лишается абонеента на сладкую жизнь. Крутое начало его самостоятельности, а ведь когда-то кокаин нюхал с декольте грудастых блондинок. Но как быстро все может поменяться — разбилось блюдо, и вся малина смешалась с грязью. И где теперь все его друзья и поклонники? Неужели у всех так резко отшибло память, что никто даже с днем рождения не поздравит? Выдержит ли Макс свой крест, в отличие от молодой жены? И что будет наградой...

Даннис Харламий

Селфи на мосту

Посвящается Татьяне, женщине, которая умеет рожать поистине красивых детей. Спасибо тебе за Дарью.

В этот вечер Соболев Максим на высоте. Зайдя в ночное заведение, он чувствует большой прилив жизненной силы. Его походка легка, плечи раскрыты, а карманы рвутся от тяжести содержимого, хотя и старался он для этого не слишком много. Да и девушки с блестящими волосами и гладкой смуглой кожей окружают его как никогда. А дело в том, что он совсем недавно расстался со своей очередной подружкой и уже успел объявить об этом печальном событии пафосным комментарием в социальной сети. И кто вообще придумал все эти глупости с жизненными статусами на всеобщем обозрении? Жили люди спокойно без кибер-общения, и вроде бы даже интереснее было.

Но Макс не особо любит интернет, просто делать все старается, как остальные: имеет страничку V Kontakte, где выкладывает заносчивые фотографии, описывающие его яркую, а порой и надменную популярность в кругу знакомых. Всюду он подшофе, в обнимку то с одной, то с другой миловидной пустышкой, а иногда в компании друзей выпускает клубы дыма, чтобы выделить себя среди остальных. И надо же, его картинки набирают лайки, а он и рад до колик в одном месте — прямо как девочка на конкурсе "Мисс длинная коса

выпускного бала". В каждый притон ночной хроники он входит лучшим гостем: его ждут за столиками, наливают за даром, аплодируют его дерзким шуткам с острого язычка. И все логично — такие люди, как Макс, всегда в центре внимания, главное, чтобы толщина кармана вдруг не уменьшилась.

Жизненная сила и впрямь течет по его капиллярам, но только попеременно с виски и текилой, и это естественно для молодого человека с внешностью не хуже, чем у Роберта Паттинсона из культовой саги. У таких обычно от рождения нескончаемая удача, как у любимчиков судьбы. А заискивания хрустальных друзей и финансовое благосостояние родителей только подливают сироп в коктейль сладкой жизни. Но печальнее всего, что Макс не хранит на чердаке тайный портрет и даже не задумывается о том, как благосклонно и терпеливо ложка сверху намазывает ему шоколадом тост за тостом, которые он швыряет направо и налево.

Сегодня он в ударе. Без скрытой гордости он прикладывается к бутылке Hennessy X.O., которую купил в баре исключительно для себя любимого, а его объятия и поцелуи непрестанно приветствуют обитателей ночного клуба. Со многими он даже толком не знаком, еще больше людей просто жаждут добавить его в список друзей. Не первый год Макс уже купается в популярности. Да он вообще купается всюду, куда бы ни упал его похотливый и ненасытный взгляд.

— Видишь вон ту шлюшку в красной юбке? — говорит он своему приятелю, прикуривая сигарету. — Посмотри, как она двигает задницей. Спорим, я буду купаться в ее постели сегодня же утром?

— А как же Вика? — с саркастической печалью спрашивает приятель. — Она ведь может обидеться на тебя.

— Вика, Вика... А что Вика? Вчера она подарила мне свою невинность, а сегодня я подарил ей свободу. Пусть валит на все четыре стороны! Идиотка, купилась на мои обещания о свадьбе.

— А ты что же, жениться ей предлагал?

— Ну а ты как думаешь, — гордо усмехается Макс. — Я готов сказать ей все что угодно, лишь бы добиться своего. Пусть даже потом мне придется бадаться с ее братцем отчаянным. Был уже один такой — заступник, лежит теперь в больничке с переломанными ногами. А потому что нечего рыпаться на тех, кто тебе не под силу.

— Ну ты прям злодей! Как в кино — отрицательный персонаж.

— Ага, Доктор Октавиус собственной персоной!

А жизнь Вики с этого дня перевернулась вверх дном. Сопливая девчонка, еще не наученная жизнью, совсем не знала, что нельзя верить таким подонкам, как Макс. Ведь он был очень внимателен с ней, учтив, хорошо слушал, еще лучше говорил. А теперь Вика даже мыслить будет иначе. Больше она не вспомнит о розовых замках и пятерых детках, ведь у нее теперь серьезная травма.

Для Макса эта девушка оказалась очередной галочкой в блокноте тщеславия и самоутверждения, и через пару недель он и не вспомнит, как ее зовут. Иногда он даже задается вопросом, почему у других так не получается. Что это — талант вот так просто добиваться любой красоты, ничего для этого не делая? Да и дела-то его, которые состоят сплошь из авантюры и кидалова, чудесным, закономерным образом дают ему возможность не то что выходить сухим из воды, но даже с выглаженным и накрахмаленным воротничком.

Однажды он говорил на эту тему с одной из своих девушек. Это произошло после

очередной потасовки в каком-то заведении.

— Максим, может, уже хватит, — говорила она. — Может, тебе пора успокоиться и начать жить нормально.

— О чем ты говоришь?! — с удивлением ответил Макс. — Меня все устраивает.

— Но это неправильно. Понимаешь, все, что ты делаешь, все это — неправильно! Ты посмотри на свои кулаки, ну разве можно так людей избивать? Ведь вы неправы были в той ситуации и вы сами затеяли эту драку. Искалечили каких-то незнакомцев до полусмерти...

— Ты что, вздумала учить меня, как жить! — обозлился Макс.

— Да живи как угодно. Просто знай, что рано или поздно все вернется.

Именно в этот вечер с приливом жизненной силы Макс и вспоминает ту самую фразу: «рано или поздно все вернется». А немного погодя экстаз поднимается до того, что ему становится не по себе, кружится голова, плывет в глазах. Почему именно в этот самый момент ему плохо? Что это — знак свыше? Ведь так все славно начиналось: позднее утро, встреча с приятелями и вот теперь его любимая музыка и алкоголь высшего сорта.

Макс падает в кресло, присасывается к бутылке, но крепкая жидкость словно застревает в горле, вызывая тошноту. Тогда ему становится совсем худо и он во что бы то ни стало хочет немедленно оказаться дома, как минимум в своей постели, а наутро даже не вспомнить о сегодняшнем вечере.

Мысли о том, что когда-нибудь он перестанет кутить и начнет по-настоящему строить свою жизнь, и раньше посещали его голову. Но в такие минуты, когда приступы внезапной тошноты одолевают его по самое не хочу, Макс начинал думать о будущем с пущей серьезностью. Как-то он даже прикинул, что дурно ему становится примерно раз в два-три месяца и каждый раз он в этот момент под воздействием алкоголя. Три года уже, как он считает эти приступы и пытается взяться за ум. Но это только печалит его самооценку. Ведь дальше так продолжаться не может, или кто он тогда — слабак, тряпка, сосунок, который не может совладать с собственными слабостями? Да и к тому же врач запретил всякое употребление спиртного, когда выявил на снимке МРТ доброкачественную опухоль в центре правого полушария.

Макс приходит в себя. Временная лихорадка отпускает его точно так же, как он отпускает бутылку Hennessy в чьи-то руки. Он чувствует отвращение к напитку, как и после последнего инцидента. Привкус во рту становится невыносимым, и он решает доехать в супермаркет, чтобы залить его чем-то молочным. Обратно в клуб он не возвращается. Все тот же таксист везет их на набережную. Прогулка на свежем воздухе должна придать силы и развеять последние оттенки опьянения. Стоп. Минуточку. Макс только теперь соображает, что все это время какая-то девушка постоянно рядом. Она была с ним возле кресла, на котором он оттаивал от внезапного недуга, поехала в магазин, а теперь держит за руку на заднем сидении и смеется шуткам, которые он штампует на автомате. Вдоль Москвы реки они идут все так же за руки, и Макс отчаянно пытается вспомнить ее имя.

— Если что, меня зовут Анна, — говорит незнакомка во время беседы, видимо, улавливая ход мыслей своего кавалера. — А то ты, наверное, и не помнишь уже, как познакомился со мной два часа назад.

* * *

Миловидная, но очень простая, в силу своего сельского происхождения, Анна приехала

в Москву покорять этот жестокий и манящий яркими огнями город. Только откуда легкомысленная девушка могла знать, как тяжело пробиться в столице среди толпы таких же провинциалов, рвущихся к осуществлению детских грез? Еще с перрона, вдохнув впервые в жизни этот загазованный воздух с примесью фастфуда и деловитой суеты, бедняжка и не представляла, что ждет ее на первых ступеньках жизненной лестницы. С головокружением, словно вступая в какой-то новый мир, который доселе был знаком лишь с экрана телевизора, и так манил, так завораживал, Анна отдалась всей этой скорости и шуму.

Первым делом она направилась в хостел, где общая комната для проживания, общая кухня, общий туалет. Да, не айс, но зато цена позволила ее легкому кошельку наметить хоть какие-то планы на будущее. Разумеется, расчеты были сделаны задолго до отчаянной поездки: она досконально все изучала в интернете, приценивалась, приглядывалась, общалась в соцсетях, копила деньги. Ведь жизнь в глуши, да еще и в неудачной семье, не особо радовала ее пылкий и упертый нрав, который начал формироваться еще в тяжелые школьные годы. Учеба для Анны была своего рода убежищем от ненавистной домашней среды. И только на судьбу она была в обиде. Ну а что тут поделать, судьба-то не дает выбора, кем тебе родиться — сыном бизнесмена или дочерью пьяницы.

Уроки не могли длиться вечно, и вечерами девочку частенько ожидала семейная сцена между блудливой мамочкой и вечно пьяным папашей. Последний часто осыпал побоями свою супругу, от которой также нередко разило выпивкой. Иногда и ребенку доставалась нехилая порция все тех же побоев и отборных ругательств в придачу. Конечно, Анна далеко не отличалась успеваемостью по общеобразовательным предметам, что и не удивительно. Но имея даже маленький стержень в характере, можно пережить и не такое. Ей давно хотелось бросить все, уехать, вырваться из ямы и начать новую жизнь, нормальную, без слез и унижений. Ей хотелось добиться именно той жизни, которую она видела в кино и которая казалась ей сказкой, издевательски дразнящей. Даже девочкой она понимала, как важно для женщины создать семью, зажечь домашний очаг, растить детей. Только эти мысли, точно иммунитет, спасали ее от невыносимой реальности.

Серьезные планы она начала строить уже по окончании училища. А обстановка в семье с каждым днем становилась все хуже. Как-то мать несколько дней не ночевала дома, а отец, протрезвев, сжал кулаки и отправился на ее поиски. Такое стечение обстоятельств заставило бедную девушку ускорить свой побег. Позже, ощутив, насколько проблематично без денег в городе, где само существование обходится дорого, она не раз жалела, что так поторопилась и не скопила больше средств. Но о каких средствах может вообще идти речь, если она имела единственную возможность подработать лишь на воскресных ярмарках, продавая соседские яйца да молоко?

Проживая в женской комнате, Анна общалась с такими же девушками, и в общем, хостел оказался довольно цивилизным местом, предоставляющим все условия для того, чтобы хоть как-то держаться на плаву первое время. Но она, конечно же, видела, что положение остальных было куда выгоднее ее собственного: ведь для поиска работы ей требовался как минимум ноутбук. И поэтому в таком скудном состоянии Анне приходилось пользоваться лишь объявлениями из печатных изданий, которые еще не успели отжить свой век. Каждый день она моталась по собеседованиям на самые простые места. Но и там, среди низших должностей, требовался хоть какой-то опыт работы. А у нее к тому же не имелось ни элементарного резюме, ни высшего образования, ни тем более презентабельной внешности.

Не прошло и двух недель, как Анна отказалась от намерения получить даже самую

ничтожную должность в компаниях, предлагающих столь соблазнительные начинания для новичков. Девушки рассказывали ей, какие перспективы можно получить в столице. Но собеседования не давали результатов, а между тем деньги таяли. Ей нужно было тратить на проезды и сотовую связь, питаться, как-то содержать свой внешний вид, который и так не особо внушал из-за долгих страданий от недавней прошлой жизни. И ведь нужно было еще платить за проживание.

Приходилось ужиматься. Хотя соблазны дразнили на каждом шагу — начиная с самого утра и заканчивая глубокой ночью. Невыносимо тяжело жить, не получая ничего. Анна отказывала себе даже в том, без чего по природе своей человек просто не мог обойтись. Но как она ни старалась, каждый новый день умаял ее средства, принося только страхи. Оставалось одно: принять лишь те варианты, которые еще были доступны и не лежали под запретом общественной морали и собственного достоинства. Молодая, ущемленная девушка была вынуждена перебиваться на временных и низкооплачиваемых работах. Она драила полы, раздавала флаеры на площадях, мыла посуду и убиралась на кухне в дешевых заведениях. Все это приносило в ее карман настолько маленький доход, что только и получалось — платить за хостел и худо-бедно стоять на ногах.

Первое продвижение Анна получила только спустя полгода. Набив руку на мытье посуды, она наконец-таки решилась предложить себя в качестве официантки. Ее вид к тому времени уже более-менее преобразился, и ей дали шанс. Немалую роль в этом деле сыграл переезд. Анна сменила хостел на более удобное место жительства: пополам с девушкой она сняла комнату, где заимела личный будуар с косметикой. Глаза ее приобрели немного блеска и уверенности, да и чувство освоения в большом городе нарисовало уже реальную перспективу. Со временем у нее появились подруги, личная жизнь. Молодые люди стали заглядываться на стройную девушку с подносом в руках. Некоторые оставляли хорошие чаевые, другие же с вульгарной помпезностью уплетались за ней, предлагали интим. Но она не особо радовалась столь мимолетному интересу со стороны сильных представителей человеческого вида, потому что в ее памяти слишком ярко запечатлелись семейные склоки и материнская распущенность. Анна принадлежала к разряду девушек, не особо наделенных природной красотой, но умеющих нравиться мужчинам, и на приличные ухаживания она иногда отвечала и даже встречалась с некоторыми индивидуумами. Но дальше поцелуев ни один роман не заходил. Когда-то, еще в школе, ее уже лишил невинности один лоботряс, и Анна решила, что это будет первый и последний случай. Перед ней стояла важнейшая цель: пробить себе дорогу в жизнь.

* * *

А сегодня бедной девушке из захолустья уже двадцать лет. Вчера она отметила свой день рождения, а вместе с этим и два года пребывания в столице. Она едет на работу в такси и беспрестанно теребит телефон в ожидании смс-сообщения. Понятное дело, что Макс не напишет ей в столь ранний час, потому что еще дрыхнет после полуночной прогулки. Но все же она лелеет свой гаджет, словно это его частичка в ее руках. Отчасти так оно и было, ведь он прислал ей единственное сообщение после того, как проводил домой: "Сладких снов тебе, Анна". И она прочитывает эту фразу в сотый раз и с мечтательным вздохом устремляет взгляд в окно на бесконечную толпу стремящихся куда-то прохожих. Но помечтать не удается. Машина останавливается, и нужно рассчитаться. Как же ее напрягает порою вся эта

скоротечная обстановка в большом городе, не дающая расслабиться! Ведь в душе-то канарейки зачирикали любовные куплеты.

В сеть кафе "Морской бриз" Анна устраивается уже как опытная официантка, а через какое-то время становится администратором. Большой успех. В подчинении у нее теперь два бармена и шесть официанток, которых она увольняет или принимает на работу. К обязанностям своим она относится с образцовой серьезностью, потому что уверена, что и администратор только временная должность, а престижная компания предоставляет все карты для продвижения по карьерной лестнице.

Во время работы Анна старается не фамильярничать с подчиненными, но настает час обеда и к ней пристаёт Олеся — старший официант.

— Ну давай уже, рассказывай, что за мальчик, о котором ты мне написала? — выпытывает она, подсаживаясь к Анне за столик для персонала. — Это вчера вы с ним познакомились?

— Он просто лапочка, — отвечает Анна. — Мы гуляли с ним почти всю ночь. Я и не помню, когда в последний раз так много ходила.

— Ну, подруга, ты похоже влюбилась. А он с деньгами? Чем он занимается вообще?

— Вроде бы бизнесмен, что-то там с ремонтом дорог связано. Но ты же знаешь, это не важно для меня.

— Еще как важно, — ухмыляется Олеся. — Это всегда самый главный вопрос. И не строй из себя скромнягу. Если богат, значит, бери его с потрохами.

— Ты знаешь, он очень интересный человек, очень внимательный к мелочам.

Впервые в жизни Макс заинтересовался девушкой — не ее телом, как обычно, а сущностью, внутренним миром, и поэтому во время их совместной прогулки по ночному городу был самым собой. Оказалось, что и он сам умеет нравиться женскому полу — не своей природой подаренной внешностью высокого брюнета и роскошным видом брутального донжуана, а именно темпераментом и неожиданно проснувшейся учтивостью. Он и не предполагал, насколько сильно зацепил Анну всего лишь за мимолетное, случайное знакомство. Он и раньше поджигал женские сердца, мучая их впоследствии бесплодным жжением, а на этот раз развел целое полымя в одном из таких.

К еде Анна не притрагивается — ей хочется как можно больше рассказать о ночной прогулке. Между словом, она в очередной раз проверяет сотовый. Но на экране так и нет этого самого конвертика.

— Да господи, ну оставь уже в покое свой телефон, — говорит Олеся. — И не вздумай ему первой написать, а то из внимательного и интересного мачо он в один миг превратится в наглое самца, коим скорее всего и является. Такие обычно сразу видят, чего хочет девушка, а потому и строят из себя примерного ухажера, лишь бы поскорее трахнуть ее на заднем сидении своей Тойоты.

— А ты что, обычно в Тойотах трахаешься? — спрашивает Анна не без сарказма.

— Боже упаси! Просто бесят такие скупердяи, которые зажимаются оплатить номер в гостинице.

— Ужас, Олеся! Ну и подруга у меня. Ладно, пошли уже работать.

А Макс в это время только просыпается. Его телефон на беззвучном режиме, и экран еще мерцает от очередного непринятого вызова, которых скопилось уже десять штук. Нужно торопиться. Макс практически на ходу выпивает кофе и перекусывает. Выйдя из элитного многоэтажного дома, он садится в Porsche Cayenne, подаренный ему отцом в счет будущих

деловых заслуг. Теперь-то отец имеет полное право распоряжаться своим подопечным как мальчиком на побегушках.

Прогревая внедорожник на двадцать вторых дисках, Макс просматривает непринятые вызовы: четыре от друзей, не дождавшихся его возвращения в ночной клуб, но вспомнивших о нем на следующий день, и шесть от "Напряг Арсеньевич" — отца и шефа по совместительству. Перезвонив последнему, Макс долгое время выслушивает назидания и оскорбления в свой адрес, после чего приступает к нудным поручениям.

Таким причудливым именем он записал отца еще с самого начала своей трудовой деятельности, как только окончил институт бизнеса и политики, в который его и устроил шеф. Может быть, Макс вовсе и не хотел именно этого образования, но его и не спрашивали, потому что с самого детства заряжали той идеологией, что он бизнесмен от рождения, будущий помощник отца и финансовый воротила в дальнейшем. Вот ему и приходилось всякий раз выслушивать от шефа длинные и унижительные рацеи по поводу безалаберности и распушенности. Особенно тяжело ему приходилось в те моменты, когда он получал втык при подчиненных. Дело несладкое, когда собственный отец буквально материт сына при посторонних, совершенно не задумываясь, что этим только подрывает авторитет будущего руководителя.

Олег Арсеньевич не особо скупится на ругательства, когда гнев его зашкаливает выше крыши. А зашкаливает он практически всегда, когда даже у него самого что-то где-то не состыковывается. А тут и Макс как всегда не без изъяна и как раз под горячей рукой. Наверное, это типичная история для большинства отцов и сыновей, работающих в одной упряжке.

Но выбора, как такового, Макс не имел, потому что изначально приручили его к определенному укладу вещей, что бизнес у них семейный, а отец офигеть какой умный. Глава семьи так и говорил ему: "У нас семейный бизнес, поэтому ты будешь работать моим помощником, а потом все полностью возглавишь". А мать добавляла: "Слушай во всем отца, ведь он большой эксперт, очень шарит в финансовых делах".

Да и комфортно было Максиму по большому-то счету. Деньги для своего возраста он получал приличные, что позволяло ему жить в иллюзорной самостоятельности, снимая гарсоньерку в центре города да угощать принцесс эликсирами забвения в гламурных заведениях. Вот она — Dolce Vita. Но только когда эта песенка подается на завтрак, на обед и на ужин, вкусовые рецепторы очень быстро привыкают и начинают принимать все за обыденность. А мозг ведь такая штука — привычку хватает когтями, а отдает уже как что-то личное, неотделимое.

* * *

Макс ловит себя на мысли, что весь день только и думает об одной и той же девушке. Неужели он снова влюбился? — уж больно частое явление за последнее время в его-то возрасте. Ему двадцать три — еще не опытный мужчина, но и не мальчик уже — пора бы и задуматься. Хотя смотря по каким меркам судить. Например, в некоторых странах на американских континентах по закону мужчина имеет право вступить в брак с четырнадцати лет. Но о какой любви можно говорить, когда в голове еще компьютерные игры да футбол в одни ворота?

Раньше каждая влюбленность Макса продолжалась недолгими порывами. Однажды,

правда, он встречался несколько месяцев, но это ни к чему не привело. А в основном все его романы ограничивались двумя-тремя неделями. Отсюда и такой обширный послужной список, не менее, кстати, чем у самого Джакомо, проживавшего когда-то в Венеции. Не редким был и тот случай, когда Макс, хорошенько поддатый, но в меру светского приличия, влюбляется вечером в какую-нибудь девицу, проводит с ней волшебную, незабываемую ночь, а наутро просыпается с умоляющим криком в душе: "Ну почему я не волшебник? Почему не могу заставить ее исчезнуть в одно мгновение?" Утром в угнетенном состоянии он часто сам не свой, он испытывает дискомфорт, панику, ему противно видеть ту, от которой всего несколько часов назад он не мог оторвать взгляд. Засыпая, он ее любит, но стоит открыть глаза, как ему хочется забыться, провалиться, перенестись в детство — лет с десятков назад. Легче ему становится только под конец дня, когда он часами прощатается из угла в угол, выпьет с дюжину чашек кофе без сахара, посмотрев при этом какой-нибудь мокбастер, потому что все стоящее уже видел в кинотеатре. С наступлением темноты как истинный ночной обитатель он развеивается, встречается с друзьями в кальянной, выпивает виски без колы, но с тремя кусочками льда, чтобы не сильно вшторило. Ура! — все-таки день удался, и можно с гонором на пару рассказать про свою очередную жертву, приукрасив где-нибудь для большего эпатажа.

Так же и сейчас, он сидит в окружении себе подобных и все они делятся друг с другом своими достижениями. Но только не Макс. На этот раз он молчит, выпускает дым из отработанных смесей синтетических ароматизаторов и глицерина. В эту ночь он не переспал с девушкой, в которую влюбился, и мысли его лишь о ней одной. Он и не замечает, как с губ его срывается прекрасное, ласкающее собственным слух имя — Анна. Он решает отправить ей сообщение, напомнить о себе.

И вот она — долгожданная СМСка, о которой девушка мечтает с самого утра. Телефон произвел плачущий сигнал, и эхом звук повторился в голове. Все кругом замедлилось для Анны, остальные звуки словно отключились, тело ее в невесомости. Да, она не ошиблась, это он ей написал, тот самый вожделенный мальчик, который эстампом стоит перед глазами весь день. Ну наконец-то! Какой восторг! Просто взлет над землей! С нежностью она прочитывает короткую, простую фразу: "Здравствуй, Анна! Как твое настроение?" И тут же печатает ответ. Но черствая рука Олеси, точно ураган, вмешивается в ее блажь, в ее личное пространство. Что такое?! В чем дело?! Анна потрясена. Лирическая песенка затихла, а вместо экрана телефона невозмутимое лицо подруги.

— Не торопись, — с расстановкой на каждый слог проговаривает Олеся.

— Почему же? — удивляется Анна.

— Да потому. Не стоит так сразу открываться. Потяни время. Пусть думает, что ты занята чем-то более интересным, что он не самая важная персона в твоей жизни.

Спустя час Макс получает ответ. Теперь эти двое вступают в оживленную переписку. А еще через некоторое время они уже держатся за руки и им кажется, что все огни города горят именно для них. Найдется ли что-то важнее этой встречи для обоих? У каждого в мыслях было огромное желание поскорее увидеться. Он бросит любые дела ради такого события, а что и говорить о никчемной трате времени в компании троих приятелей. Конечно же, он срывается и едет за ней.

Еще год назад Анна и думать не смела, что когда-нибудь начнет получать все те радости, которые жестоко дразнили ее в начале сложного пути. В этот вечер они сговорились с Олесей пойти в театр. Но какой теперь ей театр — на ее личной сцене

появился главный персонаж.

Никогда еще Анна не любовалась красотой улиц так, как в это свидание. Сам воздух, июльская духота кажутся ей чем-то волшебным, они будто что-то приготовили для нее: что-то приятное, романтическое, долгожданное. Никогда еще Макс не смотрел на прохожих с такой искренней симпатией, как теперь. Для него вдруг резко все стали друзьями, весь мир зажегся в любимых оттенках и заблагоухал райскими ароматами. И что может быть приятнее для влюбленных во время прогулки вдвоем, когда их руки сплетены пальцами между собой, а слух наполнен сладчайшим звуком на свете — голосом рядом находящегося человека! Разумеется, есть вещь приятнее и сладостнее всего перечисленного — это их первый поцелуй. Губы ватные, дрожащие, и сознание где-то там, на полпути к созвездию Андромеды. Для Анны этот поцелуй будто новую галактику открыл. Как же давно она не целовалась с подобными чувствами! От восторга и услады у нее подкосились ноги, прилив эндорфинов опьянил ее.

Почему именно Макс ей так понравился? Ведь она его почти не знает. Да, он соблазнительно красив и ее бесконечно тянет к нему. Но этого мало, в особенности для девушки с четкой жизненной позицией. Скорее всего она пришла к решению, что все складывается хорошо и нужно шагать дальше. А Макс просто подарок судьбы. И разве не это кино она так хотела все эти годы сознательной жизни?

Позже она сама объясняет столь необычную перемену в отношении к мужскому полу, а точнее, к одному из них:

— Помнишь тот вечер, когда мы только познакомились? — говорит она Макс. — Сначала ты мне показался не вполне пристойным, этаким хамом, набивающим себе цену. Я таких вообще ненавижу, если честно. Но потом тебе сделалось плохо, и ты стал настоящим. Ты и сейчас настоящий. И таким ты мне безумно нравишься. Но при своих друзьях ты нередко надеваешь маску. Не люблю я твоих друзей, все они какие-то искусственные люди.

Макс ни капельки не сомневался в своем выборе. От Анны он хотел серьезных, заботливых отношений. Она пленила его своей открытостью, свежими и правильными мыслями в голове. Глядя на нее, он видел очень милую девушку, с безмерно глубокими зелеными глазами, с удивительно уверенными тонкими бровями и этакой изюминкой. В ней что-то однозначно было, что-то такое, чего он не встречал в других. И к тому же девушка из захолустья преобразилась еще больше. Она стала хороша собой, натуральна, без красителей и не содержала консервантов. Только минимум косметики и максимум доброты. Ну что может быть прекраснее!

А кто были предыдущие девушки Макса? Чики из ночного клуба, львицы с душонками гиен. Они говорили шаблонами, печатали с ошибками и вели активную пропаганду того, что жизнь одна и нужно брать от нее все. Глупые, размалеванные существа, с пухлыми губищами, невинными глазками и в голове — пустота.

* * *

Влюбленные начали встречаться. Каждый день давал им возможность насладиться обществом друг друга. И каждый день они посвящали интересным увлечениям: ходили в кино, театр, в парки развлечений, устраивали пикники. Раньше Макс и не догадывался, каким он может быть романтиком, какие места умеет находить и как все ловко и правильно организовывать. Большую часть времени они проводили вдвоем, и им никогда не бывало

скучно. Они словно дополняли друг друга, могли разговаривать часами и не наговориться, имея бесконечное количество тем для беседы.

Довольно долгое время она ему не отдавалась. Не то чтобы у нее была какая-то поэтапно спланированная стратегия. Скорее принципы. А Макс и не настаивал, и даже не стремился к этому, хотя его арсенал располагал богатым набором приемов, чтобы уложить девушку в постель. Но он никакими хитростями не пользовался. Безусловно, Анна его привлекала, возбуждала до мозга костей, потому что обладала сексапильным телом и изящными движениями. И как бы она ни одевалась, любая одежда сидела на ней безупречно и словно дразнила, скрывала что-то непревзойденное.

Не меньше возбуждал и Анну ее ухажер. Каждый день, каждую минуту она хотела его. Она видела, ощущала его мужское напряжение, особенно во время близости. Макс и не стеснялся своего переполненного, готового к действию вулкана. Но Анна боялась поторопить события и все испортить. Даже советы подруги не сильно подвинули ее в таком щепетильном вопросе.

— Ты ведь хочешь переспать с ним, — говорила Олеся. — Что же тебя сдерживает? Неужели тебе не надоело каждую ночь засыпать одной?

— Знаешь, а ведь он уже предложил жить вместе, — отвечала Анна. — Но я как-то еще не могу решиться. Нет, я конечно ему доверяю, но все же пока что-то страшновато.

— В каком месте тебе страшновато? Ты любишь его?

— Люблю.

— А он тебя?

— Говорит, что любит. Но я и сама это чувствую.

— Ну вот и славно, Анют. Чего тебе терять-то? И потом у меня в голове не укладывается, как вообще можно два месяца не трахаться. Он что, импотент?

— О, с этим у него все в порядке — поверь.

— Ну тогда, может, уже пора решиться? Или струя из-под душа тебя всю жизнь будет устраивать?

— Нет, конечно же, не всю жизнь.

Макс абсолютно не скрывал своего желания, но в то же время решил пустить все на самотек. Анна интересовала его как человек, и этого было вполне достаточно, а все остальные функции и приложения распакуются в свое время. Им нравились одни и те же фильмы, они предпочитали одни и те же блюда, и даже будущее они рисовали словно одной кистью с общей палитры.

Бывали моменты, когда Макс встречался с друзьями, и почти всегда он брал Анну с собой. В больших и малых компаниях он нередко выпивал, так же, как и все остальные. стакан виски в руке или бутылка пива были для него как что-то само собой разумеющееся. Но в каком количестве пили его друзья, для Анны было шоком. Но ей плевать на других: пусть заливают свои глотки сколько хотят, только бы Макс не пил. А Макс меры не чувствовал, совсем не контролировал себя. Ну а что тут поделать, ведь он счастлив, у него каждый день праздник, он по-настоящему любит девушку.

К алкоголю Анна относится с огромным отвращением. Слишком много у нее недобрых воспоминаний на этот счет: все детство она наблюдала пьяных родителей. Особенно грустно она вспоминает те дни, когда отец сильно буянил, после чего засыпал в луже собственной мочи и рвоты. А мать, существо, которое девушка старалась выкинуть из памяти, наглядно показала ей, какими противными со стороны могут быть обдолбанные бабы. Теперь она

вообще знать не хочет о своей прошлой жизни — новая для нее началась два года назад, и это новая дата ее рождения.

* * *

Очередной приступ тошноты случается с Максом в самый неподходящий момент. Пароксизмы вообще никогда не бывают в кон, видимо, на то они и существуют в природе, чтобы подкидывать неожиданные сюрпризы некоторым особам, как, например, в этот раз, когда Макс празднует день рождения своего приятеля в широком кругу знакомых. Его девушка рядом, он пытается веселиться, а организм с самого утра накручивает какую-то паршивость во всем теле, чего раньше никогда не было. И вот он, бес лютый, бьющий прямо в лоб своим безжалостным копытом. Выпивка Макс не лезет, от сигарет кружится голова, и он решает выйти из ресторана и подышать свежим воздухом, и уже там теряет сознание.

Просыпается он на лавочке, в окружении каких-то незнакомцев. Анна заботливо поддерживает его голову на коленях, разглаживая взмокшие виски. О продолжении банкета можно позабыть.

— Такое чувство, будто меня через мясорубку пропустили, — говорит Макс у себя в квартире. — Башка просто раскалывается.

— Котик, тебе стоит прекратить употреблять спиртное, — отвечает Анна. — Я уверена, что твои проблемы со здоровьем именно из-за всей этой отравы.

— Но сегодня я очень мало пил.

— Сегодня — да, а всю неделю каждый вечер прикладывался к виски.

— Да что там, не больше же двух стаканов за вечер. Пустяки.

— Ты обращался к доктору по поводу этих неприятностей? Это ведь совсем не шутки. Может, нужно лечь на обследование, сдать анализы и все в таком духе?

— Я уже обследовался однажды. Нашли какую-то опухоль в голове, которая, слава богу, не растет. Делали МРТ, сканировали череп со всех сторон, но диагноз так и не поставили. Короче, определенного ничего не говорят. Пока нужно просто подождать.

— Тебя еще подташнивает?

— Ну есть немного. Знаешь, я бы сейчас кофе выпил.

— Не вставай. Я лучше тебе чай заварю. Где и что у тебя лежит разберусь сама. Лежи и отдыхай, мой мальчик.

В эту ночь Макс остается не один. Анна очень волнуется за него и не бросит, каким бы правилам это не шло вразрез.

В постели Макс вдруг обнаруживает второе дыхание и старается напропалую добрых три часа. Сначала у влюбленных происходят долгие раздевания, вперемишку с нежными поцелуями — они точно соревнуются в доставлении друг другу неземных удовольствий. А награда для обоих — сладкий сон в крепкой обнимке на измокшей простыне.

Просыпается Макс первым. Еще слишком рано. Но он не может больше спать, боится упустить самое приятное удовольствие для романтика. Еще целая вечность до того, как заиграет будильник его девочки, и все это время он глаз с нее не сводит — наблюдает ее сон.

— Решено, — шепчет он в полутьме. — Ты сегодня же переезжаешь ко мне жить.

Максу приходится хорошенько потеснить свой гардероб. В ящиках его теперь женские кофточки, юбки, лифчики и трусики. Победным взглядом он смотрит на ее зубную щетку рядом со своей. Берлога буквально пропитана новым запахом, который сводит его с ума.

Анна чувствует себя уверенно. Холодильник, ванная комната и прочие уголки, похлостаячки запущенные доселе, теперь в полном порядке от стараний новой хозяйки. А главное, в квартирке появилась настоящая любовь.

Им до ужаса круто засыпать и просыпаться в одной кровати. Первые деньки они даже стараются никуда не выходить и проводят дома бесчисленные часы, наслаждаясь друг другом. Их излюбленные места — постель, душ и снова постель. И как может быть иначе? Ни он, ни она никогда раньше не пробовали такой жизни и всех сладостей, к ней прилегающих. А такое стечение обстоятельств только сулило им новые радости и удовольствия.

— Ну вот, теперь мы с тобой живем в гражданском браке, — говорит Макс спустя какое-то время.

— Нет, дорогой, — отвечает Анна, — гражданский брак — это когда парочка зарегистрирована в загсе и у них на полке красуется свидетельство об этом самом событии. Мы с тобой всего лишь совместно проживаем на одной жилплощади, а на полке у нас даже нет общей фотографии. Да и полку я тут особо не наблюдаю.

— Не проблема, исправим, — заявляет Макс, — сегодня же поедем и купим полки.

— Какой ты находчивый и остроумный. А потом заодно и на фотосессию семейную заглянем. О боже, до сих пор не пойму, как я только решилась на все это.

— А что тебя беспокоит? Нам же так хорошо вместе.

— Не могу с тобой не согласиться. Но вместе живут муж и жена, а мы с тобой, получается, любовники.

— Ну подожди, то ли еще будет.

Подобные намеки Анна делала Максиму неоднократно, разве что с определенным интервалом, чтобы не перегнуть палку. Иногда это раздражало Макса, но он тоже держал себя в руках и не давал волю характеру погордиться и испортить такой чудный роман. Другое дело, когда разговоры заходили о детях, о загородном домике, о поездках на море, о первых ребяческих шалостях, о школьных собраниях. Теперь это было его слабостью, это умиляло его до сладкой дрожи во всем теле. Он все время потакал ей в подобных вещах и даже добавлял, что первым ребенком хочет видеть именно пацана, чтоб у него был продолжатель рода и фамилии.

— Мне всегда нравилось имя Матвей, — говорил он не без напыщенности. — Даже звучит как, ты только послушай: Соболев Матвей Максимович. Точно! Так мы и назовем нашего сына.

— А я хочу двух сыночков и одну дочку, — подключалась Анна. — Представь только, как интересно получается: идет наша малютка такая вся деловая — красоточка, а у нее уже два заступника постарше.

— Да-да, это мне нравится.

— Ах, и мне нравится. Но только все это блажь. Потому что о бастардах и речи быть не может.

* * *

Жизнь в маленькой, но элитной квартирке, с шиком обставленной, подходила для обоих как нельзя лучше. Они заботились друг о друге, наперегонки готовили завтраки в постель, старались угождать даже в самых ничтожных бытовых мелочах. Они радовали друг друга

сюрпризами, романтическими ужинами при свечах, а иногда приглашали гостей. У них появились общие друзья — такие же парочки, пылинки сдувающие друг с друга.

Со временем Анна подружилась с алкоголем. Точнее сказать, приспособилась к нему в меру культурного употребления, как выражается большинство современных, знающих в жизни толк снобов. "Пить надо культурно и в меру! — кричат они в один голос, как баптистский хорал. — И только дорогой алкоголь, потому что раз он дорогой, то значит не вреден для здоровья и семейного благополучия!" Да и странно это как-то стало на сегодняшний-то день, если у девушки нет в руке сигареты или она не принимает в рот крепкого пойла. Про таких сразу думают: не больна ли она чем-нибудь венерическим? А, ты живешь по церковным канонам? Ну почитай повнимательнее Библию, она очень открыто пропагандирует нам игристые напитки.

Во время тесных культурных раутов Анна не заходила дальше одного бокала вина. Да и Макса порою приговаривала. Другая бы, точно искрами, подожгла бы самолюбие Макса подобными замечаниями, но только не Анна. Она не боялась давать ему дельные советы и поучения, потому что понимала, как незаменима во всем остальном.

Вообще Максу все нравилось, он даже балдел от таких жизненных изменений и однажды, не без помпы, сделал Анне предложение руки и сердца. Прямо на работу к ней приехал и завалил цветами на глазах у всего персонала и обеденных завсегдатаев. Бедная девушка из захолустья прямо-таки подпрыгнула от радости. Оценила это и ее руководитель — Хакимова Ульяна — управляющая группой из пяти кафе.

— А он милашка, — подмигнула руководитель во время оваций. — Правильно сделала, что согласилась.

Ульяна совсем недавно подружилась со своей подчиненной. Видимо, схожие мысли сближают. И Анна старалась ухватиться за продвинутую бизнес-леди, причем исходя не только из карьерного интереса. Ульяна ей импонировала как человек: она была прямая, чертовски надежная и легкая в общении, и все это парадоксально сочеталось с ее внешностью глянцевої красотки с пухлыми губищами и невинными глазками.

Но Макс ужасно невлюбил Ульяну. Его бесил тот факт, что она вышла замуж по расчету, как он считал.

— Ну и что, — говорила Анна в защиту подруги. — Главное, что она не глупа, и семью и ребенка ставит в приоритет.

Теперь, после того как Анна продвинулась на шаг вперед еще в одном, можно сказать, важнейшем вопросе — получила и приняла предложение о браке — она буквально порхает над землей. На ее среднем пальце сверкает крупненький бриллиант в платиновой оправе. Ярче камня разве что блестят ее глаза.

Но вся эта радость не длится долго, ведь она знает один нехороший пример, который случился с Олесей. Ей как-то тоже сделали предложение, примерно с год назад, а потом все это очень долго оставалось в подвешенном состоянии, пока в один прекрасный день ее суженый не исчез вместе с подаренным колечком. Прямо как в сказке, когда отменили Harry End. После этого печального случая Олеся сделала вывод, что чем ярче вспышка, тем меньше дыму после нее, потому что по сути гореть там было нечему.

Поэтому Анна не откладывает предложенное ей сердце в долгий ящик и намекает Максиму, что главный-то пальчик на левой руке все еще голый. Макс покупает для этого самого пальца должный обруч и примеряет ей — идеально сидит. Остается только одно: обрисовать картину своим родителям и подготовиться к свадьбе.

Что касается знакомства родителей с его будущей невестой, то тут Макс изначально был уверен в провале, и попытка в данной ситуации оказалась самой настоящей пыткой. Зная о нравах матери и отца, он готовился к тому, что Анна далеко не оправдает их ожидания. В особенности он негодовал на мать, понимая, как щепетильно она относится к подобным вопросам.

Когда-то Людмила Александровна вынашивала его, Макса, но тогда она еще была молодая, и финансовое состояние мужа не давало повода ее крови одеться в голубые наряды. Теперь же она вынашивает идею женить сына на какой-нибудь богатой глупышке из круга знакомых семьи. Макс никогда не одобрял ее умственного уклада и этакое подражания героям романов девятнадцатого века. Он вообще считал все это абсурдом и неоднократно твердил: "То время, когда родители решали за своих взрослых детей, давно ушло. И я сам способен подыскать себе невесту. Так что можешь не беспокоиться, мама, она будет как минимум красивой. И вообще, что ты возомнила себя аристократкой. Не такие уж мы и богатые, как ты думаешь. Чуть выше среднего класса, а амбиций, будто первая линия Рокфеллеров". Макс часто не мог найти общего языка с матерью, впрочем, еще дальше он находился от отца. Последний, имея большие успехи в наживании денег и приобретении связей, пропустил большую часть его детства. А теперь, когда сын повзрослел и не шибко заблистал умом, он и не старается наверстать упущенное. Поэтому, когда разговор заходит о неожиданно нарисовавшейся свадьбе и неизвестной какой-то там невесте, Олег Арсеньевич в полном смятении. Для него это и новость, и взгляд в прошлое одновременно. Он старается держаться нейтрально, не сильно при этом укоряя жену за ее упрямое тщеславие, и немножко настораживая сына, чтобы был внимательнее и не пожалел о своем выборе в дальнейшем. Но одну вещь глава семьи замечает прямо в тему, наверное, больше из собственного гонора, нежели из побуждений поддержать Макса:

— Тебя-то я взял не из богатой семьи, — говорит он жене. — Так что это еще спорный вопрос, имеют ли такое важное значение знатные партии теперь.

— Меня сейчас стошнит от этого беспонтового разговора, — встревает Макс. — Все это похоже на мыльную оперу из телевизора.

— Но тогда и не было богатых, — отвечает Людмила, ущемленная словами мужа. — Тогда все были равны, а Советский Союз доживал свои деньки.

— При чем здесь Союз, не пойму? Я и тогда уже довольно шустро крутился, если ты про это. И не важно, какое время переживает страна, — если человек успешный, он всегда будет таковым.

— Итак, нам нужно сделать семейный ужин, — возвращает Макс родителей к первоначальной теме разговора. — Я приглашу Анну, и хотелось бы, чтоб это был теплый семейный вечер.

— А можно мне тогда не присутствовать на этом теплом семейном ужине? — с ироничной серьезностью говорит Людмила.

— И как это понимать?

— А вот как можешь, так и понимай. Ты же не хочешь рассказать, кто ее родители, откуда она вообще.

— Никто ее родители! И она никто! И знаешь, ты не лучше ее.

— Смотрите, как мы заговорили. Ты хоть о прошлом ее знаешь?

— Я знаю о ее будущем, и этого достаточно.

Больше Макс не произносит ни слова. Тишина, будто по сценарию, закрыла всем рты и

погрузила в напряжение.

Оставив родителей в задумчивом изумлении, он демонстративно выходит из роскошного коттеджа, жесткой поступью пересекает брусчатку, после чего с запахом жженой резины уезжает в сторону центра города. Только высокие сосны темнеют у него за спиной.

По дороге звонит телефон. Макс не глядя отвечает:

— Ну что тебе еще надо?

— Сынок, ты не прав, — раздается голос матери с другого конца, — Ты не должен так себя вести. Я хочу, чтобы у тебя было удачное, блестящее будущее. Отец тоже старается для тебя. Ты пойми, этих красоток полным-полно во всей Москве, и подыскать девушку с хорошей родословной не составит труда для такого красивого мальчика.

Макс кладет трубку, не попрощавшись. Он больше не хочет ни думать об этом, ни тем более обсуждать это. С усиленной работой мозга он составляет новый план действий. Но что же сказать Анне? Какой же характер теперь примут их отношения? Ведь у них все так замечательно шло, а теперь этот неожиданный поворот.

Сказать как есть Макс не решается. А нелепость, которую он вываливает буквально с порога, будто родители против свадьбы из-за его возраста, не внушает Анне ни крупицы доверия. Потом он добавляет:

— Мы все равно поженимся, потому что я так решил. Только торжество придется отменить.

— Ну и ладно, — соглашается Анна, с трудом скрывая досаду. — Иногда нужно довольствоваться тем, что имеешь, и не смотреть на окружающих. Все делают однотипные свадьбы, а мы возьмем и придумаем что-то новое.

Девушке не приходится выбирать, разве что смириться и продолжать цепляться за свое счастье любыми путями. Поэтому она от всей души старается ликовать, когда Макс предлагает сразу же после загса отправиться в путешествие.

— Конечно, это не новый способ, — говорит Макс, — но мне он нравится. И потом мы все равно не могли спланировать это дурацкое торжество.

Не так давно они уже успели обсудить, как можно организовать банкет в случае обыденного развития событий, но и тогда возникали каверзные вопросы. Макс догадывался, что со стороны невесты будет слишком серьезный недовес гостей, и очень переживал по этому поводу. Анна говорила, что родных у нее нет и позвать сможет лишь пару-тройку подруг, а общие знакомые парочки, по сути, и так считались друзьями со стороны жениха. Картина складывалась не совсем удачно для Макса, ведь он был уверен на все сто, что родители его будут приглашать друзей семьи и деловых знакомых, как это принято в кругу его общения. И новое стечение обстоятельств в какой-то мере даже удовлетворяло переживания Макса.

Невеста же, привыкшая мириться с разными житейскими ужимками, переживала по-своему. Ей в очередной раз досталась горечь обделенных. Особенно зацепил ее разговор с Олесей.

— Неужели еще есть семьи с такими отвратительными принципами? — спрашивала подруга. — Представляю, как тебе должно быть противно от всей этой ситуации.

— Ну а что я могу поделать? — ответила Анна. — Я же не выбирала, в какой семье родиться. Его родители реальные придурки. Особенно мамаша. Я не рассказывала тебе: она позвонила мне недавно, столько гадостей наговорила, пыталась все испортить.

— А что она тебе говорила?

— Да всякую чушь: что я вскружила голову Максу, что скоро он наиграется и бросит меня. Но я ничего не стала отвечать, положила трубку.

— Да уж, Санта-Барбара какая-то.

* * *

Прошел месяц. Из загса выходят новобрачные. Но в них не летят лепестки роз и пожелания всяких благ на совместную жизнь. Над Максом не прикалываются поддатые дружки, а невесту не пожирают жадными глазами. Ждет их только лимузин, чтобы отвезти в аэропорт.

Они выслушали напутствующий спич брачной женщины, обменялись кольцами, поцелуями и без помпы, без шикарных нарядов отправились в путешествие.

Каждая девушка мечтает надеть белое платье, погулять в нем по городу, пофоткаться. Анна хочет хоть на малую толику поддержать традицию — коротенькая фата как нельзя кстати подходит к ее скромному летнему платьицу. Она не будет разрезать торт, не будет кружиться в танце новобрачных. Но как же без фаты? Ведь это же свадьба. Маленький кусочек сетчатой материи служит утешением ее большой досаде. Плевать — она счастлива, и это главное.

Ближайший рейс на Париж. Посадка через тридцать минут и еще есть места. Так начался их тур по Европе.

В первый день они истоптали ноги, обойдя практически все нашумевшие места французской столицы, начиная с Монпарнаса и заканчивая Сен-Дени — они купили путеводитель. А ближе к ночи с Эйфелевой башни они любовались огнями большого города, предаваясь поцелуям и мечтам. Весь следующий день они провели в Диснейленде. А дальше все пошло по окружности, истоптанной космополитами мира сего. На туристическом автобусе они тронулись в Барселону, чтобы забыться на пару-тройку дней на берегу Средиземного моря. Потом небольшая круизная яхта доставляет их в Виареджо, и снова пляжные забавы, но недолго, ведь Пизанская башня уже почти семьсот лет как вот-вот упадет и нужно успеть поддержать ее ради тривиальных фотографий. Ну а дальше Колизей, Давид, позирующий без выходных. В Вене они первым делом посещают легендарный Шенбрунн. Потом два дня в Праге, потом в Варшаве, Берлине и, наконец, Амстердам знакомство с русскими туристами, ночные прогулки и курение марихуаны (Макс и раньше нередко баловался подобными вещами).

Три недели медового месяца тянулись долго, потому что новобрачные буквально купались в счастье. Но стоило сесть в самолет на Москву, как оказалось, что пролетело все это время незаметно. И теперь впереди работа, обустройство семейного очага, серьезная жизнь.

Весь отпуск они тратили не только на пляжи, экскурсии да пиво, особенно в странах — ценителях пенного напитка, но и на вполне естественные, законные супружеские сношения. Если раньше они не предохранялись только в самых редких случаях из-за страстных порывов друг к другу, то за время пребывания в местах, где, можно сказать, произошли одни из известнейших исторически любовных событий, они и не думали о контрацепции. Их с корнем затянула романтика, они предавались утехам во всех доступных и недоступных для этого дела местах и обратно домой вернулись уже не совсем вдвоем.

На следующий день после прибытия Анна сообщает мужу радостную новость: у нее уже несколько дней задержка, чего раньше никогда не было.

— А ты уверена, что это беременность? — спрашивает Макс, заражаясь лучезарной улыбкой жены. — Может, стоит купить тест?

— Конечно, уверена, — отвечает Анна, не помня себя от радости. Она продолжает улыбаться, внутри у нее все взвинчено, каждый капилляр щекочет тело. — Не то слово, как уверена, — продолжает она. — У меня всегда очень точный календарь, а теперь задержка аж на целых шесть дней. Тут и сомнений быть не может. И никакой тест не нужен. Два дня прошло, потом третий день — и я уже начала подозревать. А сейчас уже шесть дней, понимаешь, шесть дней! Знаешь, я самая счастливая на свете! Как же это здорово! Ульянка вон целый год не могла забеременеть, а у нас все случилось с первого раза.

— У Ульянки, наверное, муж слабоват... или не особо старался.

— Ну, меня ее муж мало волнует. Зато ты у меня такой молодец! Просто лучший в мире папочка! Без сомнения, ты будешь хорошим папой. Очень тебя люблю.

Анна виснет у него на шее и осыпает поцелуями. Она не верит своему счастью, ведь все идет так, как она и хотела, разве что с незначительными нюансами. И подумать только, еще совсем недавно бедная девушка боролась с отчаянием, проживала в хостеле и считала гроши. Видимо, это вознаграждение за трудное детство и мучения после переезда в столицу.

— Все же я куплю для тебя тест, — не унимается Макс. — Хочу знать точно. И потом, тебе же не составит труда пописать на клочок бумажки?

— Да покупай, потому что я сейчас все равно от радости описуюсь.

Уверенность Анны не подвела ее. Выйдя из ванной, она вручила Макс ламинированную бумажечку с синей полоской, а рядом еле заметная вторая — положительный результат.

— Вот она, первая фотография нашего малыша, — говорит Макс. — Ты просто чудо.

— Это будет мальчик, — улыбается Анна. — Я прям чувствую.

— И не сомневаюсь. Кстати, я тоже тебя люблю, Анютка.

Макс кладет тест в свой портмоне, в секретный кармашек. Ему хочется сохранить эту вещь, совершенно ненужную, но безмерно важную для них обоих. Вроде бы простая бумажка, но на ней две полоски, будто извещение: сейчас подпишите, а через девять месяцев придите и заберите посылку.

Теперь они чаще гуляют в скверах, по набережной, сидят в летних кафе, наблюдая закаты и широкую магистраль с проносющимися в разные стороны красными и белыми огнями. В эти вечера они постоянно мечтают, представляют красивую будущую жизнь, причем нисколько не выходя за рамки реальных. Макс не строит в голове грандиозные планы, а лишь то, что под силу его возможностям, даже несмотря на тот факт, что он все еще зависит от своего отца и от успехов семейного бизнеса.

Словно на холсте, они написали идиллию, и теперь каждый раз вносят в свою композицию новые краски.

Макс с самого детства жил в коттедже, поэтому прекрасно понимает, что для семейной жизни никакая квартира в центре города не заменит собственного участка с домиком, садом и беседкой, оплетенной виноградными ветками. Во всяком случае так ему всегда казалось. И сейчас он делится этими соображениями со своей супругой, у которой мысли просто кристальным образом совпадают с его мыслями.

— Ты только представь, — говорит Макс, — у нас будет свой домик в пригороде, пусть

небольшой, но свой, и главное, красивый. Там будет комната для Матвея, а еще наша спальня, и комната для следующего ребенка, и кухня с выходом на летнюю террасу. Это же круто, согласишься!

— Да, это моя сказка, — отвечает Анна, кладя голову на плечо мужа. — А во дворе посадим ели — много елей, и еще много цветов. А за домом, перед террасой, у нас будет маленький пруд. Ты же сможешь сделать такой пруд?

— Конечно, смогу. Все именно так и будет. Я этого очень хочу и обязательно добьюсь, вот увидишь.

* * *

За то недолгое время, что молодые поженились, их быт тоже в какой-то степени изменился. Съемная квартирka преобразилась и теперь по всем показателям походила на семейное гнездышко. Многие они поменяли, что-то докупили, так что от бывшей холостяцкой ночлежки не осталось и следа.

Все их устраивало друг в друге, и даже ссоры почти что не случались. Хотя так начинается у всех.

"Быт, — разговаривал Макс с собственными мыслями, — не такая уж и сложная штука, как ее описывают многие разведенные мужчины, вновь получившие свободу и открытый доступ к легким барышням. А ведь они там уже побывали, и не думаю, что врать-то будут. Странно, но быт совсем не угнетает, а даже, наоборот, радует с каждым днем. Неужели дальше лучше? Или есть какой-то пик разворота? Да нет, наверное, у всех по-разному".

От прежнего Макса тоже практически не осталось и следа. Он бы долго и надменно смеялся, если бы даже год назад узнал, что скоро женится и превратится в правильного и заботливого персонажа на жизненном поприще. В душе он таким всегда и был, просто окружение не позволяло нежничать. Но вот это случилось, и его все устраивало, он чрезмерно радовался, что поменялся. Он реально наслаждался своей новой жизнью — и он, и она наслаждались. Им нравилось все делать вместе. Они вдвоем затеивали уборку, вдвоем готовили, вдвоем принимали ванну, вдвоем ходили в супермаркет за покупками.

А теперь Анна беременна, и Макс не то что пылинки с нее сдувает, а даже упасть им на нее не дает. Он души в ней не чаает, и все-все, что они делали до этого вместе, он стремится делать сам. Его чувства к жене настолько нежные, что он готов носить ее на руках с утра до вечера, чем он и занимается, потому что у Анны на шестой неделе начался токсикоз, отчего она стала немного нервной раздражительной.

Рвотные рефлексy одолевают девушку по десять раз на день. Часто она отказывается от пищи из-за потери аппетита, даже несмотря на то, что Макс применяет всю свою сноровку для приготовления изысканных блюд. Ужин она вообще вычеркнула из повседневного рациона, и никакие шедевры кулинарии от любимого не могут соблазнить ее поесть. Она даже в весе потеряла целых пять кило, как бы это неестественно ни казалось.

На работе Анна чувствует себя уставшей, ее с самого начала дня тянет в сон, она невнимательна и рассеянна. Это быстро выдает ее Ульяне, и женская солидарность как нельзя кстати. Опытная подруга не скупится давать Анне отгулы, каждый раз намекая на женскую консультацию, чтобы та сходила к гинекологу и встала на учет.

Вскоре токсикоз усиливается, и Макс везет свою любимую на прием к врачу. Там она ложится в стационар, сдает все необходимые анализы, делает УЗИ. Беременность

подтверждается. Но через две недели, не выявив никаких проблем, ее выписывают. В целом беременность Анны до последних двух месяцев протекает без осложнений, если не считать хроническую слабость и тошноту. Она строго выполняет рекомендации врача, ведет самый примерный образ жизни, о котором и сама немало начиталась в книгах и интернете.

Скоро Анна начинает ощущать первые шевеления своего малыша. А на двадцать первой неделе она делает второе УЗИ и радуется Макса ошеломляющей новостью:

— У нас будет мальчик, — говорит она. — Все, как по заказу. Вот распечатки, посмотри. Это будет самый красивый и обаятельный малыш, такой же, как и его папа.

Макс сильно радуется, узнав эту долгожданную новость. Почти каждый вечер он целует ей живот, разговаривает с ним.

Беременность очень идет Анне, придает ей особенную женственность, которая буквально льется через края, возбуждая Макса до глубины души. Теперь она, наоборот, прибавила в весе и стала, на удивление, красивее, чем раньше. Какая-то важность появилась во всем ее облики, грация в движениях, живость, а порою томность во взгляде. Такое переменчивое состояние было вполне объяснимым для девушки в ее положении. Совсем не новость, что некоторые женщины на эти самые девять месяцев, а бывает и гораздо больше, ведут себя странно, иногда невыносимо, а порою и вовсе превращаются в психованных истеричек. Но только не Анна. Ее беременность проходит спокойно, без эксцессов, без скандальных и наигранных сцен, а даже наоборот, когда ей позволяет самочувствие, она очень старается, продолжает быть примерной женой, как говорится в одной известной поговорке, хозяйкой на кухне, леди в гостиной и шлюхой в спальне. И положение Анны нисколько не убавило их возможности в постели. Разве что они делают все немного аккуратнее и нежнее.

Макс живет ради нее, балует сюрпризами, сам отвозит на работу, забирает оттуда, бросает любые дела, как только ей что-нибудь захочется. Да благословенна будь, беременная! Это твой триумф, твой дар, твоя незаменимость. Нередко Макс опаздывает на собственные встречи, забывает о просьбах или поручениях шефа, а иногда и вовсе их игнорирует.

Резкая перемена в работе не очень хорошо сказывается на Максе. Олег Арсеньевич догадывается о причине и старается держать себя в руках и не трогать больную для них обоих тему. Но иногда он на грани срыва. Если с матерью Макс наотрез отказывается общаться, то отношения с отцом протекают в полной неясности. Каждый раз, видится ли Макс с отцом в офисе или же где-то в других местах, он чувствует от второго сильное напряжение.

Да, Макс безусловно заметил, как за последнее время отдалился от родных, словно бы стал немного чужим. Не скрылся от сына и тот факт, что отец серьезно переживает за него и за всю эту ситуацию. Однажды он совершенно ясно прочитал все по печальному и задумчивому лицу шефа. В тот же день, сидя за своим широким столом в кабинете директора, отец не выдержал и предъявил Максу:

— Ты бы хоть домой заехал, а то с матерью совсем не видишься, — сказал он, докуривая десятую сигарету за последний час. — Она тебе ничего плохого не сделала между прочим. Всего лишь свое мнение выразила. А ты ведешь себя так, словно она тебе враг какой-то. Она же мать. Имей все-таки хоть какую-то совесть. Не таким хотел я тебя видеть в этом возрасте. В твои года я не позволял себе подобной наглости: бросать трубки или игнорировать звонки от родителей.

Людмила Александровна переживала не меньше. Иногда она звонила Макс, когда случайно забывала о гордости. Но он не отвечал. Мать, конечно же, не списывала сына со счетов, потому что слепо надеялась, что вот-вот ему надоеет хитроумная женушка и он с ней порвет. Но такой поворот событий для Макса был совершенно неприемлем. Да и на примирение с матерью он не рассчитывал — скорее не думал об этом, чем держался за какой-то принцип. Он вообще не заморачивался по этому поводу, стараясь не забивать голову ненужными проблемами. Его жена была в положении, и это заботило его превыше всего.

* * *

На тридцать третьей неделе беременности Анна делает очередное плановое УЗИ. Все идет, как и предыдущие разы: счастливая девушка лежит и вместе с врачом изучает черно-белые картинки на мониторе. На этот раз процедура намного интереснее, можно более отчетливо разглядеть сформировавшегося малыша. Анна радуется, улыбка ее не сходит с лица, ей хочется приблизиться к изображению и расцеловать свое чадо. Этого хочется всем мамам, несущим своего первенца. Но врач буквально вырубает свет в чертогах ее радужных мыслей. Он показывает карандашом на экране не очень хорошее явление: пуповина обволакивает шею ребенка, и на первый взгляд создается впечатление, будто она душит его. Услышав от врача комментарий к картинке, Анна естественным образом начинает переживать: сердце ее провалилось куда-то вниз, а былые мечты зависли над страшной пропастью. Без сомнения, любой будущей маме от подобных новостей станет не по себе, а тем более когда она видит, что шейка ее крохи в опасности.

Женщина-врач быстро успокаивает Анну, объясняя, что пока еще нет причин для беспокойства. Может, ее строгий голос, может, опытный вид сыграли свою роль, и Анна понемногу расслабилась.

— Выявление петли еще ничего не значит, — говорит врач. — Ребенок в период развития конечностей может не только запутаться в пуповине, но и распутать сам себя в дальнейшем. Обнаруженная петля чаще всего существует недолго и не сказывается на состоянии плода. Опасности тут я пока не вижу, поэтому не стоит волноваться. Очень малая часть подобных случаев может закончиться осложнениями.

— А когда он сможет распутаться? — спрашивает Анна. — Хоть примерно скажите. А то, может быть, нужно еще одно УЗИ?

— Обязательно. Сейчас запишем вас на дополнительное внеплановое УЗИ и проведем более точное обследование. Сделаем уже цветное картирование. А пока что продолжайте вынашивать плод, соблюдая все рекомендации вашего врача, меньше нагрузок, побольше свежего воздуха, и главное — никаких переживаний, потому что стрессы и волнения отрицательно скажутся на ребенке как при родах, так и после них.

Следующий прием Анне назначили через три недели. Казалось бы, ничтожно короткий период, но за все это время, вопреки уверениям врачей, она нервничала, как никогда. Состояние ее передалось и Макс — вполне естественная реакция для молодых людей, живущий одними мечтами, в большой любви и в бесконечном взаимопонимании. Но Макс держался молодцом, подбадривал Анну, всячески утешал и успокаивал. Ему и легче было принять весь этот груз неизвестности и тревожного ожидания. Ведь он не перепыхивал всемирную сеть, в отличие от своей молодой супруги, в поисках ответов и злосчастных

примеров, которые буквально засорили форумы по данной тематике. Анна не могла иначе, уж слишком долго она лелеяла саму идею о ребенке и материнстве. На форумах писали многое. Читая благополучные истории счастливых мамочек, она успокаивалась, заряжалась оптимизмом, но потом набредала на печальные случаи, которые погружали ее в полнейший ужас, заставляли обливаться холодным потом, накручивали скверные мысли.

Все это время Анна почти не чувствовала каких бы то ни было неприятностей и поэтому иногда даже ходила на работу. Девочки тоже старались приободрить ее, ссылаясь на рекомендации врачей.

— У меня была такая же ситуация, — говорила Ульяна. — Аппарат показал пуповину вокруг шеи моего птенчика. Но потом он выпутался из нее. Это нормально. И нечего переться на работу. У тебя декретный давно, так что отдыхай.

— Да все хорошо, Ульян, — отвечала Анна. — Я тут не напрягаюсь особо. Просто мысли какие-то нехорошие в голову лезут.

— Ну, значит, сама себя настраивай. Думай только о позитивном. Я когда беременная ходила, целыми днями представляла, как мы уже гуляем в парке, как малыш смеется в коляске, как я кормлю его грудью на лавочке, не замечая прохожих.

— Это чудесные мысли. Я тоже об этом думаю. Каждый день все это представляю.

* * *

Когда остается последняя неделя до назначенного УЗИ, Анна берется отсчитывать дни. А за два дня до похода в женскую консультацию у нее вновь, как в начале беременности, начинается сонливость, абсолютное бессилие, токсикоз. Макс замечает радикальные перемены в состоянии своей супруги, и теперь ему сложно оставаться оптимистом и, как раньше, играть роль уверенного, владеющего ситуацией человека. Он и сам не на шутку встревожен бледностью жены и неестественной слабостью ее с самого утра.

Целый день у Анны кружится голова, немеют руки. Но еще более странные обстоятельства настораживают девушку не на шутку: ребенок буквально толкается в утробе, чего раньше она никогда не ощущала.

— Он прямо бьется внутри меня, — говорит Анна. — Словно пинается. И это не те шевеления, которые мы с тобой наблюдали раньше. Это что-то другое. Ему что-то не нравится.

— Не переживай, родная, — отвечает Макс. — Завтра уже поедем на прием.

К вечеру Анну настигает полный упадок сил и она падает в обморок. Макс не вызывает скорую (слишком долго ждать), и вместо этого сам везет жену в перинатальный центр. Благо к концу дня нет никаких очередей, и Анна попадает к врачу сразу же, как только они прибывают к месту назначения.

Пациентку подключают к кардиотокографии, но в этот момент выясняется, что в приборе закончилась бумага. Решили обойтись показаниями УЗИ — на этот раз цветными. И снова прежняя картина: пуповина вокруг шеи. Дежурный врач не видит признаков для беспокойства, так как пуповина не двойная и сидит неплотно. Но внешний вид прибывшей не позволяет ему отказать ей в госпитализации. Анну определяют в общую палату, после чего ставят капельницу и колют успокоительное. Препараты работают на ура, и ей становится легче.

Макс же не может справиться в одиночку со всеми страхами и напастями, поэтому едет

к своему старому другу, с которым не виделся по меньшей мере два года. Он знает, что только Дима может поддержать его в этой неприятной ситуации и выслушать все переживания, несмотря на то, что, может быть, у него у самого куча неразрешимых проблем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

С Димой они когда-то учились в одном классе и были лучшими друзьями. Но потом взросление на пару с деньгами сделали свое дело, и Макс забыл, что когда-то у него был товарищ, с которым они дышали одним воздухом. Тогда у них были общие интересы, общие мысли в голове, но соблазны — такая штука подлая, особенно если в кармане ключи от дорогой тачки и кредитка с нехилым бонусом в придачу. Тогда-то Макс и приобрел свой основной круг общения — компанию мажоров с такими же кредитками в карманах и папами за спинами — владельцами холдингов и буйных нравов.

А у Димы вообще не было отца — только мать с ничтожной пенсией и никакого будущего впереди. Ну и что может связывать этих двоих? Конечно же, ничего, в то время как один узнает вкус кокаина, втянутого из декольте грудастых блондинок в позолоченных побрякушках, а другой думает, где бы найти денег, чтобы купить куртку на грядущий зимний сезон, который синоптики прогнозируют холоднее предыдущего. А еще говорят, не в деньгах счастье. Ну, может, и не в деньгах — вопрос-то философский. Только вот как объяснить всю эту катавасию тем, кто с ранних лет планирует стать миллионером, а потом вырастает и сталкивается с печальной действительностью, потому что кастовую систему пока еще никто не отменял.

По воле случаев старые друзья все равно пересекались со времен школы. Да и вспомнить им было что из своего прошлого. Только вот в компаниях они состояли совершенно разных, что в природе даже не могут соединиться, как нефть с водой. Поэтому и могли они встречаться только вдвоем.

Дима сразу же откликнулся на зов, чего не скажешь о Максе, будь то обратная ситуация. Друзья встречаются в одном из тихих ночных заведений, где Макс с ходу заказывает бутылку дорогого виски, две колы и два стакана.

— А знаешь, у меня сегодня жену на сохранение положили, — сообщает Макс без какого бы то ни было вступления. — И на душе у меня просто кошки скребут, аж хочется напиться и превратить все это в дурной сон. Или дай мне по рылу, что ль, может, и в самом деле, проснусь.

— Да, хреновая ситуация, — отвечает Дима, почесывая свою короткую светлую бороденку. — Только вот пьянкой ты себе тут не поможешь. Тебе бы помолиться не помешало.

— Если бы это работало, я бы молился с утра до вечера. Врачи сказали, что нет причин для волнения, что обмороки вполне нормальное явления для беременных. Но ты бы видел ее, какая она бледная была сегодня.

— Блин, мужик, я очень понимаю тебя. Я бы, наверное, так же переживал. И не важно, что там врачи говорят. Знаешь, ты как хочешь, а я все-таки поставлю свечку.

— Поставишь, но только потом. А сейчас мы будем пить. Ну давай, за моего будущего сына.

* * *

В это время Анна не спит, хотя час уже поздний. Ей, безусловно, полегчало, и ребенок

внутри перестал буйствовать. Но ее все равно что-то беспокоит, нарушая сон. Может быть, непрестанные плачи новорожденных то из одной, то из другой палаты, да крики рожениц из родильного блока возбуждают ее обостренный слух. Она без конца ждет, что кто-то зайдет к ней и успокоит или, чего еще хуже, сообщит какую-нибудь страшную новость. Но никто не приходит, и тогда на смену ее переживаниям приходит чувство заброшенности, неясности. А это куда тяжелее, чем получить все сразу и в лоб.

В ее палате такие же мамочки, но не все лежат на сохранении. Кто-то из них вот-вот родит. И они-то точно спокойны и уверены, что ребенок у них родится, потому что не страдают бессонницей и головокружениями, да и ультразвук не нарисовал опасной пуповины. И как назло ни одна из них не скажет ничего путного, потому что так же как и она, ничего не знает.

Проходит неделя, другая, у Анны прежние симптомы: тошнота, хроническая усталость, бледность. Лишь раз в день каждое утро ее навещает медсестра и колет какие-то препараты, но ничего толкового не говорит. Это сильно настораживает Анну, усиливает и так ненужные беспокойства. Она и представить не может, как бы ей пришлось, если бы не ее мужчина, который почти не пропустил ни дня пребывания ее в роддоме. Каждый раз он привозит ей цветы, продукты и теплые, любящие объятия. Они часами сидят в приемном покое или в беседке на территории и стараются болтать на отвлеченные темы. Но она-то знает, что стоит ему уехать, как вновь начнутся нервяки и бесконечные шатания по коридорам отделения.

Нет-нет какая-нибудь мамочка произведет на свет благополучного малыша, а через день покинет роддом под звуки выстреливающих пробок из-под шампанского. Или, наоборот, на глаза ей попадется очень печальная история, которая закончилась выкидышем и невыносимым горем матери. Ну зачем ей лицезреть все эти события, ведь у нее сейчас такие яркие планы на будущее. А от мысли, что она, может быть, и не дожидется счастливой выписки, что, не дай боже, не увидит своего первенца, в ее жилах буквально леденеет кровь.

И оказалось, что не зря были все эти переживания. Несчастье набрело как по накатанной плоскости. Спустя двухнедельную госпитализацию, и в общем на тридцать девятой неделе беременности Анне становится только хуже. Абсолютно все симптомы обостряются, и тут на нее наконец-таки обращают внимание врачи. После небольшой дискуссии между собой эти роботы в белых халатах склоняются делать кесарево, но потом отменяют и решают стимулировать роды искусственно. Один из врачей проводит вагинальное обследование, после чего вводит в кровь окситоцин. Два дня Анна находится все в той же палате, среди остальных рожениц, где ее время от времени контролирует медсестра, проверяя самочувствие.

Схватки так и не начинаются. Наконец появляется акушер — смуглая женщина с деловитым выражением лица. Она будто вспомнила о бедняжке в тот самый момент, когда та уже измучила себя жуткими и навязчивыми мыслями.

— Может, стоит сделать кесарево? — спрашивает Анна у акушерки умоляющим голосом.

— Никакого кесарева, — отвечает женщина, даже не глядя на беременную. — Сама родишь, все у тебя получится.

Анну везут в родильное помещение, вводят во влагалище специальный тампон, пропитанный гормонами, уверяя, что это очень хорошее новое средство, после чего прокалывают плодный пузырь. Еще целый день и до глубокой ночи без должного внимания и успокоения врачей она семенит по родильному отделению, как зомби. Будто по сценарию

какой-то зловещей игры, у нее то начинаются слабые схватки, то прекращаются. В один момент Анна чувствует помутнение в сознании и падает в очередной обморок. Просыпается она уже на операционном столе со спазмами в животе: снова начались схватки, но только на этот раз гораздо сильнее. Несколько часов она мучается в плаче и стенании, но все без толку. В итоге не без помощи акушерских щипцов ребенка буквально выдавливают наружу. Впоследствии она еще не раз будет вспоминать все эти процедуры на столе как самый жесточайший ад, который ей пришлось перенести.

Через страшную боль, крики и разрезы ребенок появляется на свет. Но что с ним? Он не плачет, не дышит, весь синий. Анна снова теряет сознание, скорее от страха, потому что последнее, что она успевает заметить перед обмороком, — это бледное лицо акушерки.

Ребенка Анна увидела только на следующий день. С утра ей сообщили, что он живой и в данный момент находится в коме, и что жизнь его поддерживает аппарат искусственной вентиляции легких. Как же ее оживило это долгожданное сообщение. Настоящей пыткой было весь день терзаться в страхе и отчаянии, каков же будет вердикт: смертный приговор или помилование. А в это время другие мамочки плакали от счастья, накамливая молоком своих грудничков. Папы их поджигали снаружи пиротехнику и кричали в рупоры благодарственные фразы. Но Макса не было среди тех пап — он целые сутки провел в приемном покое, лишенный сна и пищи. Его так же, как и Анну, трясло от подлой скрытности врачей. В один момент ему даже показалось, что ребенка просто украли, отняли и решили не отдавать. Но все оказалось гораздо трагичнее: их первенец родился полным инвалидом и все это время лежал в реанимации, отказываясь умирать.

Вскоре к Анне приходит педиатр и у них происходит весьма напряженный разговор. Он сообщает бедняжке, что роды были очень тяжелыми и в результате этого ребенок перенес серьезную травму.

— Его сердце забилося только спустя десять минут после рождения, — говорит врач. — Это очень долго и губительно для столь хрупкой головки и часто приводит к гипоксии и ишемии головного мозга, как в вашем случае. Теперь у ребенка сильное поражение центральной нервной системы. В сознании он пробыл всего лишь несколько минут, а потом погрузился в кому. Готовьтесь к худшему, потому что опыт показывает, что такие дети не выживают.

— Не понимаю, как это могло случиться? — спрашивает обезумевшая, пораженная до беспамятства Анна. — Что же теперь делать? Как быть?

— Остается только ждать, потому что дальше медицина бессильна. Все, что от нас зависело, мы сделали. Теперь только чудо может что-то исправить.

— Что значит исправить? Я не верю, этого не может быть! — плачет Анна навзрыд, теряя самообладание. — Этого не может быть! Только не со мной! Только не с моим зайчонком! Это какая-то шутка! Глупый розыгрыш, да?

Голос ее дрожит, она произносит истерические фразы, бросая рассеянные взоры по углам палаты, будто ищет это самое чудо. Но кругом только испуганные лица женщин, кормящих своих малышей.

— Вам лучше прилечь, — мягко советует медсестра. — Сейчас вам все еще нужен покой. Вы еще слишком слабая.

— Что с моим ребенком? — продолжает неистово кричать Анна хриплым и безнадежным голосом. — Я вам не верю! Где мой мальчик? Что с ним? Дайте мне увидеть его!

Но врач уже ушел. Ему больше нечего добавить. А может быть, у него были более важные дела на тот момент. Только медсестра осталась с Анной — ее единственная помощь и поддержка. Она что-то вколола ей в плечо, и это быстро подействовало.

Рухнув на кровать, Анна пытается отдышаться, ее прошибает холодный пот, и сердце, как отбойный молоток, вырывается наружу. Но лекарство будто удерживает ее, не давая истерить. А молодая и неопытная медсестра садится рядом и чисто по-женски ласково обнимает за плечи, чтобы хоть как-то утешить. Такая уж у нее работа — никакой ответственности, но зато полная свобода для роли понимающей и учливой собеседницы.

* * *

Во время боя на боксерском ринге двое соперников осыпают друг друга мощнейшими ударами. Известный факт, что такие схватки чаще всего заканчиваются нокаутом. Для тех, кто никогда не болел за коренастого чернокожего парня в красных перчатках или за высокого белого в синих, это происходит так: спортсмены изматывают друг друга на протяжении двенадцати раундов, пока один из них не попадает второму резким, сокрушительным ударом прямо в подбородок. Боксер от такого удара обычно падает и засыпает на некоторое время. Но потом его приводят в чувства, за исключением самых редких, летальных исходов, он снова встает на ноги, обдумывает свои ошибки и принимает поражение.

Так же и Анна, молодая будущая мама, измотанная недомоганиями и схватками на женском ринге под названием роддом, в итоге получает нокаут. Но женская натура куда сильнее мужского атлетизма — она способна выдержать удары и посильнее, чем у опытного драчуна. И удары эти порою наносит сама жизнь.

Анна приходит в себя, приободряется. Голова ее трещит, в ушах белый шум, тело взмокшее, а руки по-прежнему онемевшие. Но она все же находит в себе силы привести в порядок мысли, отогнав черноту и подрисовав все самое спокойное и позитивное. Она понимает, что ребенок ее сильный, раз сумел задышать спустя столь долгое время, пусть и с помощью аппарата, но сумел. Анна твердо верит, что он преодолет и дальнейший кризис, как справлялась когда-то со своими трудностями она. Ведь это ее малыш, ее частичка, а значит, в нем есть такая же напористость, такая же жажда получить свое место под солнцем. Это вселяет в нее уверенность, и она не намерена больше ждать у моря погоды, а хочет заявить о своих правах на материнство, потребовать то, что принадлежит ей. Не носила она белого платья, не разрежала трехэтажного торта, но иметь ребенка ей никто не запретит. Это ее ребенок.

Анна набирается мужества и выходит из палаты в поисках кого угодно, лишь бы добраться до своей плоти и крови. Тогда-то ей и позволяют посмотреть на малыша. Она направляется в кабинет черствого педиатра и застает его на месте. Теперь Анна в состоянии вести нормальную беседу, потому что самое большое потрясение уже произошло. Остается слепая надежда, ибо врач этот для нее единственный спаситель, виртуозный фокусник, чародей, спрятавший в кармане белого халата тот самый легендарный эликсир жизни. Она заходит в кабинет, точно фанатик в священный наос.

— Чем обязан? — спрашивает мужчина средних лет, оторвавшись от писанины и устремив на Анну безразличный взгляд.

— Я Соболева Анна, — отвечает она спокойно и с расстановкой, — Позвольте мне

узнать, что с моим ребенком и когда мне его вообще вернут.

— А, теперь ясно. Я как раз вами и занимаюсь. В общем так: ничего хорошего я вам сообщить не могу. Во время беременности, судя по всему, не соблюдались все нормы и рекомендации. Отсюда и результат.

Анна молчит. Ей не хочется спорить. Она просто ждет, пока судья вынесет свой окончательный приговор.

— Ваш ребенок, — продолжает врач, — в данный момент лежит в коме. Вследствие удущья пуповиной у него развилась тяжелая форма гипоксии, что привело к поражению головного мозга: часть клеток осталась без кислорода и отмерла. Дышит он через ИВЛ, питание получает внутривенно. Даже если и выживет, то не научится ни ходить, ни сидеть, ни говорить, ни даже глотать самостоятельно. Сегодня утром на комиссии обсуждали этот вопрос и пришли к выводу: такое состояние у ребенка будет постоянным. Поэтому, если вы согласны, будет лучше отключить его от аппаратуры.

— То есть вы хотите сказать — будет лучше просто убить его, да?

— Поймите, ваш ребенок не реагирует на внешние раздражители. Большая вероятность, что он также останется лишен слуха и зрения. Ну зачем вам все эти мучения, зачем мучить ребенка? Он будет как растение. Вы этого хотите?

— Я хочу, чтобы он выкарабкался и поправился. Вот чего я хочу. Мой ребенок не будет растением, понятно вам. Я не согласна. Не вздумайте отключать его.

— Ну, как знаете. Тогда подпишите здесь и здесь. Пока ребенок в коме, вам придется оплачивать его содержание, а также препараты и прочие процедуры. А до тех пор остается только ждать, когда он проснется.

Анна дважды перечитывает бланк, после чего ставит в двух местах свою подпись.

— Проведите меня к моему малышу, — говорит она все с тем же спокойствием. — Я хочу увидеть его.

Врач не может отказать ей: уж слишком это было бы негуманно. Через стекло Анна смотрит на свое чадо и слезы текут по ее щекам, капая на пол. Малыш лежит в специальной люльке, а на лице у него дыхательная маска. Он кажется таким слабым и беззащитным, и жизнь его висит на волоске. Она никогда не позволит его отключить. Никогда.

Больше всего ей не хочется возвращаться в свою палату, ведь это так несправедливо наблюдать за счастьем других, в то время как у самой все будущее висит на все том же волоске. Другие мамочки нарадоваться не могут, глядя на своих сморщенных сосунков, а Анна, сидя напротив с пустыми руками, лишь борется с мрачными мыслями. Их детки здоровы, а она, может быть, так и не возьмет на руки своего кроху, не будет любоваться его улыбкой, смеяться над его шалостями. Только теперь она понимает, что не зря он брыкался в тот роковой день у нее в животе. Он будто бил тревогу, звал на помощь. Но никто ему не помог. Какая же она была дура, что не настояла на кесарево сечении. И только себя она могла винить теперь во всей этой ситуации.

Анна находит медсестру и слезно просит перевести ее в другую палату, потому что больше не может лицезреть чужую радость. Понимающая девушка выполняет столь необычную просьбу, и вскоре Анну помещают в двухместную палату, где она в одиночестве придает своим рассуждениям. Время от времени она сцеживает молоко в миску, потому что грудь стала каменной, и каждую минуту плачет, непонятно откуда отыскивая все новые и новые слезы.

Похожий разговор происходит у Анны и с акушеркой. Та приходит к ней в новую палату

и сообщает все в точности, что говорил педиатр. Также она добавляет перед уходом:

— Молитесь, чтобы ребенок не выжил, потому что в противном случае будет растением.

— Мой ребенок будет жить! — твердо отвечает Анна, даже не глядя на акушерку. Хватит с нее всех этих горестей и оскорблений на сегодня. Остается только одно: рассказать Максиму все, что они имеют теперь. В этот день его не было с ней в роддоме, и лишь вечером он узнает о случившемся.

* * *

Для Макса все эти новости оказались серьезным потрясением. Нет ничего ужаснее, чем больной ребенок, и даже такой скуперддй, как Макс, понимает это. Иметь ребенка-инвалида не входило в его прекрасные жизненные планы. Он знал, что это такое, потому что еще в детстве наблюдал подобную картину у знакомых родителей и по сей день помнил, какая тяжелая энергетика присутствовала в той семье. Но в те ранние годы ему все было невдомек, тем более воспитание внесло свою весомую лепту. Его как бы изначально записали в элиту общества, где все по жизни вкусно и гладко. А теперь его самого постигает такое же несчастье: его собственный ребенок рождается со страшным ущербом, который медицина не в силах изменить. Раньше он часто представлял, как нянчится с малышом, как играет с ним, как на детской площадке среди других деток слышит его голос. И ни один из его сценариев даже не предполагал чего-то плохого.

Когда Макс услышал от Анны все то, что сказал педиатр, то в глубине души даже согласился отключить ребенка от аппаратуры. Он, конечно же, не говорил Анне о своих заветных желаниях, но все же надеялся, что ребенок не выживет.

Но малыш выжил, будто назло всем и на радость маме: вышел из комы и даже смог самостоятельно дышать спустя несколько дней. А еще через какое-то время слабо приподнял веки, но зрачки оставались блуждающими, ни на что не реагирующими. Врачи и после пробуждения ребенка советовали Анне молиться, чтобы он умер, но Анна молилась об обратном.

Целый месяц она могла только наблюдать за своим малышом в реанимации через стеклянные двери. И только когда его перевезли в детскую клинику, она легла с ним в одной палате. Сколько же было радости в тот день: Анна не помнила себя от счастья. Она постоянно разговаривала с малышом, целовала его, но он не реагировал, он будто был не с ней, будто застрял где-то там, между двумя мирами.

В клинике ребенка определили на платное лечение. Когда врачи провели обследование, то вынесли Анне уже окончательный диагноз: ДЦП в крайне тяжелой форме (спастический тетрапарез всех конечностей). Сделав УЗИ через родничок, они также обнаружили кисту, образовавшуюся в результате кровоизлияния. К основному заболеванию добавили еще и подозрения на судорожный синдром, так как иногда у ребенка проявлялись внезапные мышечные сокращения.

После выписки из роддома нужно было идти в ЗАГС и получить свидетельство о рождении. Анна не могла отлучиться от своих обязанностей, поэтому попросила Макса закрыть столь важный вопрос. Осталось только определиться с именем.

— Ты хотел назвать его Матвеем, — говорит Анна, вручая Максиму все бумажки, полученные из роддома. — Вроде хорошее имя. Так и запишем?

— Мне уже не нравится это имя, если честно, — отвечает Макс. — Давай придумаем какое-нибудь другое.

— Тогда давай назовем Илюшей. Мне всегда хотелось так назвать.

— Да, давай так и назовем.

Три месяца лечения приводят к невероятным финансовым затратам, но так и не дают каких-либо улучшений. У ребенка по-прежнему нет рефлексов, он не двигается, не видит, не слышит, не глотает, с трудом может только открывать и закрывать глаза. Но и даже это не всегда получается и приводит к пересыханию слизистой оболочки глаз. Чтобы предотвратить появление язв и избежать инфекции, Анне приходится каждые полчаса использовать мази и капать в глаза специальное средство. Врачи предлагали временно защитить веки, но находчивая мама придумала клеивать их на ночь пластырем. Такая уловка хоть и на малую толику, но облегчила ее положение. Ведь она не может отойти от ребенка ни на минуту. Благо медсестра часто подменяет ее, чтобы дать ей возможность поспать, покушать, справить все необходимые человеческие нужды. Анна и представить боится, как ей тяжело придется дома, потому что Макс не сможет бросить работу, ведь иначе они просто пропадут. На одни только лекарства намечается далеко не малый бюджет.

Чтобы избежать дополнительных затрат, супруги решают выписаться из клиники и продолжить лечить малыша дома. Первое время Анне очень трудно, потому что теперь у нее нет под рукой услужливой медсестры, и страхи, что что-нибудь пойдет не так, с каждым хрипом или слабым вздохом ребенка дают о себе знать. Но материнский инстинкт творит чудеса, и она очень быстро привыкает к новому, более сложному распорядку, ведь за маленьким инвалидом нужен абсолютный контроль. На протяжении всего дня Анна проводит необходимое лечение: ставит капельницы, делает уколы, от которых на нежной коже уже практически живого места нет. Также в нужные часы она разминает ему конечности, пеленает, а после этого приступает к кормлению — с помощью зонда дает заранее нацеженное молоко. И практически каждую минуту ей приходится следить, чтобы малыш не захлебнулся слюной.

Помощь от Макса она получает небольшую. Безусловно, в финансовом плане он выполняет свои обязательства сполна: специальная кровать, электронный дыхательный аппарат и уйма лекарств стоят гораздо больше, чем декретные отчисления, которые получает Анна. Но физически Макс полезен жене только утром и вечером, потому что из-за внезапных осложнений в семейном бизнесе он вынужден работать много и без выходных.

А бывают и такие моменты, когда Макс сидит за спиной жены и просто молча наблюдает, как она сама выполняет все процедуры. Уставшая, вспотевшая от непрестанных занятий и ухаживаний, Анна по нескольку раз сгибает и разгибает сначала одну ручку, потом другую. То же самое она проделывает с ножками. Но потом она резко поворачивается и говорит:

— Ну что ты сидишь, как истукан. Принеси лучше из холодильника бутылек с молоком и установи на подставке. Только перед этим поддержи пару минут в микроволновке, а то оно слишком холодное.

Когда он приносит бутылек, Анна добавляет, продолжая разминать ребенка:

— Теперь подсоедини к нему трубку от зонда. Что, не видел как я это делаю? Конечно, когда тебе смотреть, ты же почти дома не бываешь.

Макс молча выполняет все, что говорит жена, после чего садится обратно в кресло. С того времени, как родился их сын, Макс неразговорчив, мрачен, будто потерял всякий

интерес к жизни. Он вообще испытывает какой-то страх перед ребенком, боится прикоснуться к нему, не решается взять на руки, переложить или повернуть.

Иногда Анне даже кажется, что муж ее стал другим. Но это и не удивительно, ведь он получил не менее слабый удар от такого поворота событий и приспособивался по-своему, как мог. А теперь начался совсем другой быт, не такой, каким был раньше. Каждый день Макс печален, нелюдим, но скорее зол на всю эту ситуацию. Больше всего ему хочется самому поговорить с врачами и выяснить настоящую причину всех последствий. Он просто не верит, что Анна не смогла выносить нормального, здорового ребенка. А позже, вспомнив девять месяцев беременности, он лишь удостоверяется в собственных подозрениях. Она же все делала, как надо: и питалась правильно, и витамины принимала дорогие, и тяжелее косметички в руки ничего не брала. А тут такие несправедливые выводы про халатную беременность.

Порою, пока жена заботится о сыне, Макс не торопится ехать домой, а вместо этого где-нибудь в кафе или на лавочке в парке часами размышляет в одиночестве, накручивая бесконечный моток ненависти ко всем врачам на свете. Он буквально сам себя настраивает против белых халатов, что только усиливает к ним вражду. А позже он выясняет, кто именно был акушером у его жены, и решает нанести ему свой визит. Макс сразу не понравилось лицо той злополучной женщины и он прямо вскипает, когда она наглым образом отказывается с ним встречаться, ссылаясь то на отсутствие времени, то на бесполезность разговора. Но он все равно добивается своего и однажды, застав ее на месте, чуть ли не вламывается к ней в кабинет.

— Почему вы бегаєте от меня? — спрашивает он на пределе самоконтроля. — Вы чего-то боитесь? Чувствуете себя виноватой? Или что?

— Молодой человек, не забывайте, где вы находитесь, — отвечает акушерка с невозмутимым выражением лица. — Это вам не рыночная площадь. Нечего здесь выяснять отношения.

— Тогда почему вы меня избегаете? По-моему, я имею право с вами пообщаться.

— Что вы хотите обсудить?

— То, что у меня в голове не укладывается, каким образом мой ребенок родился калекой. Что же произошло на самом деле? Расскажите мне, будьте так любезны.

— Ничего сверхъестественного тут не случилось. Обычная статистика, только и всего. Иногда дети рождаются инвалидами, и от этого никто не застрахован.

— Но только не в нашем случае. Моя жена была образцом во время беременности.

— Молодой человек, существует много причин, отчего дети рождаются нездоровыми. В вашем случае этих причин достаточно: тут могли сыграть роль наследственные факторы, гипоксия или ишемия в перинатальный период. Также это могла быть внутриутробная инфекция, которая приводит к поражению головного мозга у новорожденных, либо травма головного мозга в постнатальном периоде. Есть еще токсические препараты, которые влияют на развитие плода. Кто знает, что она у вас там принимала во время вынашивания. Еще несовместимость крови плода и матери и...

— Да, да, да. Вы перечислили много случаев, но забыли о главном: врачебная ошибка. Это ведь тоже причина, не так ли?

— Да, и врачебная ошибка. Это тоже одна из причин.

— Я знаю, это ты виновата во всем. Я это вижу по твоим глазам.

— Меня мало интересуєт, что вы там знаете или не знаете, молодой человек. Вам лучше

уйти отсюда. У вас теперь проблем предостаточно, поэтому не создавайте себе лишних.

Перед уходом Макс заверил, что все это так не останется, что он обязательно выяснит правду. Но что он мог сделать — дать волю своим горячим чувствам и наброситься на нее? Он понимал, что это большая глупость, хотя кулаки его сжимались до боли в пальцах. Да и проблем у него теперь, действительно, хватало. Ребенок инвалид — это только одна беда. Другая же к нему приближалась, как по цепной реакции. Дела на работе уже давно переживали не лучшие времена. Вернее, фирма Олега Арсеньевича готовилась к полному банкротству.

* * *

Соболев не всегда владел частной компанией. Когда-то, еще до рождения сына, но уже после распада советских республик, он был обычным человеком с множеством интересных друзей.

Друзья вообще понятие неоднозначное. Учитывая общепринятый взгляд, каждый все равно по-своему определяет, кто для него друг, а кто всего лишь знакомый. Хотя отложим эту тему на некоторое время.

Наряду с немногими индивидуумами, которые по природе своей мыслили не совсем так, как добрая половина населения страны, Олег еще в расцвете лет вступил в игру, где ставки далеко не средняя зарплата, а выигрыш — пьедестал, дающий реально почувствовать себя на голову выше остальных. Но Олег заимел свой кусок не потому, что мыслил нестандартно. Скорее он просто общался с нужными людьми, а потом и оказался в нужное время в нужном месте. Эти-то люди и потянули его к злачному пирогу под названием госбюджет.

Государственные деньги в то время отмывали во всех сферах великой страны, где они только выделялись. Хотя, судя по истории государства, они отмывались всегда и, скорее всего, будут отмываться дальше — такой уж русский человек по природе своей.

В случае с Олегом все было просто: какая-то часть его окружения занимала руководящие должности в казенных предприятиях, другая же, в которой состоял Олег, напрямую сотрудничала с первыми. Этим предприятием было дорожное хозяйство Московской области и называлось оно Мосавтодор. Имея лучших друзей в Мосавтодоре, Олег зарегистрировал в налоговом органе фирму и стал выступать в качестве поставщика для дорожного хозяйства. Поставлял он туда все, что было нужным и ненужным для предприятия. Особенно на ура шла продажа ненужного оборудования и сырья, и мало кого волновала перспектива дорог в стране, потому что набить собственные рты всегда важнее.

Чиновники строили себе шикарные виллы на загородных участках и выращивали нехилые такие счета за границей, а Соболев и другие ребята из периферийной элиты были удобным инструментом в их руках. На то и нужны проверенные друзья, чтобы ладно и без риска работать в столь щепетильном деле. Олег закупал что-нибудь в больших объемах у третьих лиц и с приличной накруткой продавал в Мосавтодор, не забывая потом отстегнуть определенные откаты в карманы начальников. Обычно такие выплаты осуществлялись за распитием дорогих вин в банях тех самых коттеджей на загородных участках. Все проходило довольно просто, и не обязательно было иметь экономический склад ума — главное, нужные знакомства.

Олег Арсеньевич зарабатывал большие деньги, и окружение у него становилось

большим: все хотели с ним знаться. Был у него тогда один друг — Миша Сдобин, тоже рвущийся к крупным купюрам и сладкой жизни. Но тогда Олег и близко не понимал, что копирующий его шутки и заглядывающий ему в рот человек на самом деле испытывал к нему черную зависть в глубине своей мелкой душонки. Щедрость и доброта, которые, как оказалось, не всегда уместны в подобных делах, потому что богатство зачастую строится на качествах противоположных, буквально выливались из чаши умственного уклада Соболева. Он был готов дать возможность заработать абсолютно всем, кто искал с ним дружбы. Достаточно было просто обольстить его в глазах окружающих. Сдобин оказался виртуозом заискивания и подхалимства и, не без помощи Олега, очень быстро присосался к Мосавтодору. Олег познакомил своего друга с нужными людьми и сделал таким же снабженцем бесполезного товара. У Сдобина вскоре тоже появился участок под Москвой, а потом и другие сладости жизни, недоступные человеку со средней зарплатой.

Время шло, и великая страна мало-помалу вставала на ноги после подлого и кощунственного опущения ее предательскими неудачниками и сомнительными нобелевскими лауреатами. В корне поменялись политические и экономические модели. По заимствованию у Запада в стране внедрили тендерную систему государственных закупок и подрядов, да и для более жесткой бюрократии на предприятиях стали назначать новое высшее руководство. Так было удобнее отмывать деньги тем, кто занимал поистине божественные посты. Очень крутая система, просто сногсшибательные деловые названия и принципы работы. Сделали улучшения, перешли на более продвинутой уровень, а сущность-то прежняя — как были хапугами, так и остались, только лысину закрыли модной бейсболкой с деловитой надписью на лбу.

Пока происходили все эти радикальные перемены, умные люди, а может быть, просто хитрые, купили себе доступные должности в Мосавтодоре, потому что, видимо, почувствовали истощение легких золотых жил. А гордые, такие, как Олег Арсеньевич, которых со временем деньги испортили, решили усовершенствовать свои фирмы в частные дорожные компании, чтобы не быть в пролете и продолжить брать подряды и поставлять товары, но только теперь нужные для дорожного хозяйства. Олег даже мысли в голове не имел, что можно занять какую-нибудь должность, потому что у него принципы были, что он никогда никому подчиняться не будет. Он всегда хотел быть самым умным и независимым и чтобы окружающие им восхищались и ставили в пример. А те оставшиеся знакомые, которые еще держались у власти в дорожном хозяйстве, позволяли Олегу мало-помалу зарабатывать дальше, но уже и близко не в прежних размерах — так, худо-бедно поддерживать наработанный аппетит. Но такой поворот событий недолго держал Соболева наплаву и очень быстро привел в тупик.

Миша Сдобин оказался одним из немногих, кто не утратил своей кормушки при новом псевдоконтроле над коррупцией. Получив среднюю, но приличную такую должность за хорошую взятку, он начал вникать в процесс работы предприятия изнутри, а заодно и применять свои таланты в обновленном коллективе. Чудесным образом, нарушающим все законы карьерной лестницы, он с рекордной скоростью побежал наверх, пока не занял пост заместителя генерального директора. Теперь он стал контролировать тендеры Мосавтодора, а засим и назначать частных исполнителей и поставщиков для мелких работ. Он быстро окружил себя верными людьми, которые начали отстегивать ему приличные откаты, львиная доля от которых уходила вышестоящему начальству. Только вот Олегу там места не досталось. Сдобин так и сказал ему, когда тот пришел с полной уверенностью сохранить

место под солнцем:

— Извини, Олежка, но твое место уже занято.

Это был огромный удар как по самолюбию Соболева, так и по финансовому состоянию его компании. Началась реальная борьба за выживание на переполненном рынке. Олег изобретал какие-то новые направления, постоянно вкладывал, сокращал расходы, но прибыль желаемую так и не получал. Иногда Сдобин с большой неохотой давал ему мелкие подряды, но общего положения это не улучшало, а только добавляло секунды к бомбе замедленного действия. Крах был неизбежен. А Миша в это время обретал все новые и новые связи с птицами более высокого полета. И неудивительно, что старый добрый подельник Олежка попал в список его заочных знакомых, дружба с которыми, как говорится, была давно и неправда.

Теперь Олег Арсеньевич не спит ночами, голова его звенит от непрерывного раздумья. Нужно принять радикальное решение и свернуть деятельность, потому что других вариантов он не видит.

* * *

За тот период, который Олег Арсеньевич провел у кормушки, он не только покушал трюфелей с черной икрой и покатал семью по мировым семизвездочным отелям, но и скопил небольшой капиталчик. Поэтому в теперешней ситуации, каких бы там собачек ни подсунула судьба, он все же что-то имел за спиной и вполне смело мог начать какое-нибудь собственное дельце, что совершенно не шло наперекор его железному принципу: никогда и ни на кого не работать.

Идея приходит к Соболеву неожиданно, и он без всяких сомнений хватается за нее руками и ногами. Он и раньше подумывал, что когда-нибудь создаст крупную компанию с громким именем и перспективным будущим. И вот время пришло, и ему нужно действовать, форсировать события, потому что счета в банках без постоянной подпитки имеют свойство таять, особенно когда привычка жить на широкую ногу, словно неизлечимая зараза, поработила каждого члена семьи.

Соболев днями напролет обдумывает свою идею, сидя в одиночестве в опустевшем офисе, и однажды составляет бизнес-план по производству чипсов. Уложившись в размеры своего капитала, он стартует: заказывает необходимое оборудование, изучает рынок сырья, технологию приготовления, снимает производственные помещения, нанимает штат сотрудников. Макс выступает в новом бизнесе главным и незаменимым помощником. Он полностью изучает незнакомую для себя деятельность, разрабатывает ассортимент, получает различные сертификаты, разрешения, штрих-коды, создает бренд и внешний вид упаковки. Работать приходится много и кропотливо. Отец и сын буквально ночуют на производстве и вместе натыкаются на подводные камни. Дело-то для них неизвестное, и производство им приходится налаживать методом проб и ошибок.

Примерно год требуется начинающим фабрикантам, чтобы понять, что производство снековой продукции не такое уж и простое занятие, каким казалось на первый взгляд. За все это время компания понесла такие расходы, о которых Олег не предполагал даже при самых пессимистических расчетах в бизнес-плане. А причина довольно проста: во многих местах он поступал опрометчиво и самоуверенно. Имея заветное желание когда-нибудь создать большой бизнес, он закупал дорогое оборудование, причем в множественном числе, чтобы

производить на всю страну. Немало денег он вбухивал в упаковку и сырье, основную часть которого составлял картофель. Но он не учел одну важную вещь, что сразу все гладко не пойдет, особенно если сфера деятельности для него новая и совершенно не связанная с прошлым жизненным опытом делового человека.

И вот, пока отец и сын учатся производить чипсы, пока настраивают и отрабатывают то одну линию станков, то другую, пока обучается персонал, пока выкидывают брак или подбирают нужные вкусовые добавки, продолжают идти постоянные расходы на аренду, на заработную плату, на электроэнергию и на кучу всего прочего. Такая работа с каждым месяцем сокращает запас денежных средств, которые Соболев оставил на жизнь и скорое развитие. Он-то рассчитывал, что сбыт начнется с первых произведенных партий и сразу же почувствуется отдача. Но не тут-то было.

В итоге фабриканты и оглянуться не успели, как кончились свободные деньги. И теперь, когда они освоили производство, потратив при этом кучу времени, перед ними встала другая, более сложная задача: научиться продавать. Но денег больше нет, все заморожено в оборудовании, сырье и упаковке. А для сбыта продукции не хватало всего лишь элементарного отдела сбыта, да и всего к нему причитающего: транспорта, специалистов, рекламы. И чтобы весь этот паровоз не останавливался, Олег Арсеньевич приходит к решению взять кредит. Под залог отдают все оборудование и даже больше, потому что денег требуется немало. Помимо рекламной кампании нужно не забывать о постоянных расходах, которые с открытием торгового отдела и приобретением транспорта стали чуть ли не вдвое больше предыдущих.

Семейная фабрика по производству чипсов теперь состоит из двух частей: производство и сбыт. Олег большую часть времени проводит на производстве, а Макс занимается раскруткой бренда. Он заводит деловые отношения с рекламными агентствами, чтобы заполнить город щитами и афишами и дать рекламу по телевидению и радио. Каждый день он встречается с представителями сетевых и оптовых компаний и пытается заключить хоть какие-то контракты. Но у него слабо получается: оптовики с недоверием относятся к новому товару. От этого у Макса частые нервные срывы. А еще эта печальная, душераздирающая обстановка дома, куда он не сильно торопится, после того как заканчивает дневные дела. Нередко он едет в какой-нибудь бар, чтобы отвлечься. А там лучшие помощники — выпивка да проститутки, готовые на все.

* * *

Пара стаканов виски выполняют свою функцию, и Макс чувствует себя вполне вульгарно рядом со своей старой знакомой, которая с удовольствием принимает от него крепкие угощения. Но с ней как раз можно и не пить, потому что ничего интересного там не светит. Пробовал Макс ее уже и не раз — легкая и примитивная, каких полно вокруг. Но в этот вечер она здесь, и вариантов других он не наблюдает. А ему так не хочется ехать домой.

Девушку зовут Джессика, хотя настоящее имя Диана, но так почему-то удобнее было ее всем называть. Макс заказывает ей мартини, просто по привычке, без задней мысли. А она и знай себе уже накручивает планы на вечер. И это так заметно по ее щенячьим глазам. В один момент Макс даже захотелось послать ее куда-нибудь подальше. Тогда какого черта, спрашивается, он здесь вообще забыл?

"Все, как раньше, — думает Макс, — ничего не меняется. Алкоголь все так же горчит,

все тот же бармен и те же шлюшки, только обложка стареет, особенно у женщин. Какая-то она не такая — эта Джессика, потасканная что ли стала".

Ее кожа коричневая от частого загара, и от этого кажется ненастоящей, точно вот-вот отвалится, как старая штукатурка. Зато голос у нее прежний, слегка прокуренный.

— Так где ты пропал? — спрашивает Джессика. — Я тебя уже год, наверное, не видела или больше. Я слышала, ты женился — это правда?

— Ты верно слышала, — отвечает Макс. — Но это не мешает мне вести личную жизнь.

— Еще как мешает. Раньше ты был другим — интересным, что ли. Тебя девушки обсуждали.

— А теперь что, скучным стал?

— А теперь тебя как будто забыли. Ты удалил страничку VKontakte и как будто закрылся от всех. Ну правильно, теперь у тебя есть жена, и, наверное, она проверяет твои аккаунты в соцсетях. Да и по вечерам ужин, наверное, она тебе готовит вкусный, а ночью ублажает твой мужской аппетит. И ее не нужно выпивкой угощать — она и так тебе даст.

— Оу-оу, Джесси, ты что, злишься на меня?

— Да нет, Максим, просто вспомнила, как хорошо нам было когда-то с тобой. А теперь ты окончательно и бесповоротно связал свою жизнь с другой. Наверное, она красотка. Да я даже не сомневаюсь, у тебя всегда были красивые девушки. И я одна из них. Я же по-прежнему милашка, ну скажи?

— Да, ты все такая же неотразимая, — соглашается Макс.

"Еще какая, — продолжает его внутренний голос, — и поэтому до сих пор по барам шляешься, и только я идиот сижу тут с тобой, потому что выпить здесь сегодня не с кем".

— А дети-то у вас есть? — спрашивает Джессика. — Или еще не планируете?

— Пока не планируем. — говорит Макс. — Просто не думали еще об этом.

Он заказывает новый стакан виски, но только теперь без колы и льда, и сразу же выпивает, после чего закуривает сигарету. Ему становится тошно от самого себя.

— Ты чего так много куришь? — удивляется Джессика. — Ты же только что одну закончил.

— На работе трудности, — отвечает Макс.

— Хотя чего это я к тебе пристаю. Кури сколько влезет. Теперь у тебя на этот счет жена есть. Кстати, она тебе потом не устраивает скандалов, что ты поздно приходишь?

— Да нет. У нее тоже много работы, и она по-своему устает.

— А, ну понятно, и вам обоим не до ссор. А я вот всегда мечтала иметь деток, двух малышей — мальчика и девочку.

— Ну, какие твои годы. Все еще впереди.

— Мне тридцать, Макс. А девки вон в двадцать уже рожают. О чем ты говоришь вообще? Мне и замуж-то не судьба выйти.

— Так в чем проблема? Рожай по залету. Тебе же это ничего не стоит.

— Да пошел ты.

— Благодарю. А мне, и правда, пора закругляться.

За руль Макс садится поддатый — ему это не впервой. Его Porsche медленно катится по проспекту, пока не доезжает до нужного поворота, и наконец та самая высотка, где в съемной квартире у него жена и ребенок. Крутое начало его самостоятельности, особенно, когда бизнес на грани провала.

Макс открывает входную дверь и заходит. Жена на кухне, сидит у подоконника и

печально смотрит в окно. Судя по ее виду, день выдался не лучше предыдущего. Ребенок только успокоился и теперь спит, дав ей возможность передохнуть. Макс замечает, что жена сильно поменялась: она стала молчаливой, а внешне потасканной, почти как Джессика. Фу, какая мерзость, и как только можно сравнивать ее с какой-то шалавой. Но глаза-то не врут, и он прекрасно видит, что Анна из лучезарной, разговорчивой девушки превратилась в забитую и некрасивую домохозяйку. И это не от легкой жизни.

Супруги больше не разговорчивы, как раньше, будто исчерпались все их бесконечные темы для беседы.

Макс говорит короткое "привет", когда заходит на кухню. Анна отвечает тем же, слегка повернув голову в сторону мужа, но взгляд ее опущен — она слишком устала, чтобы посмотреть на него.

Неожиданно она встает и направляется в спальню. У малыша начались судороги, сопровождаемые тихим хрипением. Поддерживая головку и подтирая слюнки, Анна ждет, пока закончатся конвульсии. Потом ребенок плачет, слегка подергиваясь, а заботливая мама укачивает люльку, напевая еле слышную песенку. Она знает, что Макс стоит в дверях и наблюдает, и ей хочется прогнать его.

Для нее уже давно не новость, что Макс приходит поздно и часто не один, а с презренным остатком другой женщины. Она чувствует чужой запах от его одежды, пропитанной женскими духами. Но она молчит — ей просто не хочется усугублять и так уже напряженную картину.

Как-то они общались по этому поводу с Ульяной и по-своему опытная подруга сказала ей:

— Не вздумай поднимать эту тему. Притворяйся дурочкой наивной, будто ничего не замечаешь. Все мы так делаем и зато сохраняем семью.

— Но это так подло с его стороны, — отвечает Анна. — Не знаю даже, насколько меня хватит. Ты понимаешь, он спит с другими бабами, и я даже знаю, когда они меняются — об этом говорят разные духи от его рубашек. А в нашей постели мы будто соседями стали. Он просто отворачивается и засыпает, когда я делаю попытки его возбудить.

— Не обращай внимания. Все мужики такие, думают своей меньшей головкой. Поверь мне, он натрахаётся с другими и ему это надоеет и тогда он снова будет только твоим. Тем более у вас сложности с малышом. Может, он таким образом хоть как-то отвлекается.

— Если б он еще участие принимал. Ульян, ты и представить себе не можешь, как мне тяжело. Я ведь все одна делаю. Раньше он хоть как-то помогал мне, ухаживал за Илюшей, а теперь он просто плюнул. Ему ничего не надо. Все говорит, что сложности на работе, много дел и тому подобное. Но я-то уже насквозь его вижу: на каждом шагу одна ложь. Ребенка он почти не замечает, хотя зайчик совсем недавно плакать научился. Я нарадоваться не могла, а его это только нервировать стало.

— Все равно терпи, Аня, будь сильной.

— Да куда сильнее уже? Знаешь, хуже всего, когда ты с человеком рядом, но не вместе. Сначала он мне столько нежностей писал, столько слов теплых говорил, а теперь его словно подменили — ни поцелует, ни обнимет. В свободные минуты нам и поговорить-то не о чем. Неужели такая она, эта семейная жизнь? Ну скажи мне, Ульян, ты же дольше в браке.

— У нас тоже романтика была, когда ходили и о звездах говорили. Но об этом вообще не стоит жалеть. А потом трудности начались, разные трудности. Но все проходит рано или поздно, главное перетерпеть.

— Да по отношению к себе я готова терпеть хоть сколько, но только не к Илюше. Ему настолько пофигу на ребенка. Ну вот такой у нас малыш родился и выжил.

* * *

Макс действительно потерял всякий интерес к ребенку. Если раньше он принимал небольшое участие в заботе, то теперь, особенно когда поговорил со знакомыми врачами и узнал, что такие дети долго не живут и уж тем более не встают на ноги, он лишил больного ребенка отцовской любви. Однажды он пытался поиграть с ним, но из этого ничего не вышло — ребенок совершенно не реагировал ни на его слова, ни на погремушки. А когда у него прорезался голос и в квартире стал постоянно раздаваться детский плач, Макс почувствовал дискомфорт.

Ребенок мог заплакать прямо посреди ночи — нормальное явление для грудничков. Но Макс все время нервничал, и в одну из ночей даже выругался вслух:

— Да сколько ж можно! — бросает он сквозь сон. — Чего ему не спится?

— Ты что, — отвечает Анна, качая кроватку. — Не вздумай обижаться за зайчонка! Он совсем не виноват. Все детки плачут.

— Конечно, все. Но этот же каждую минуту тебя поднимает.

— Ну так вставай сам и тоже смотри за ним. Ты отец или нет, в конце концов!

— При чем здесь это? Не такого ребенка я хотел, если что так.

— Ну прости, что не смогла родить тебе другого. Уж какой получился. И мы просто обязаны любить его таким. Дело, конечно, твое, можешь и не надеяться, что он поправится, но лично я все для этого сделаю. Я его очень люблю и никогда не отпущу надежду.

Продолжая успокаивать малыша, Анна обливается слезами, горькими, но тихими. В такие моменты она сильнее прежнего понимает, что борется с горем одна. Но любовь к своему крохе, несмотря ни на что, становится у нее все сильнее. Малейшие сдвиги в его здоровье радуют Анну до беспамятства. Чего только стоило, когда она услышала первый плач — она готова была рвать на себе волосы одновременно и от радости, и от боли за свое сокровище.

Не меньше страданий доставляет ей само лечение, ведь постоянные лекарства, уколы и капельницы оставляют свои последствия на коже ребенка и глубокие шрамы в ее душе. Страхи матери только возрастают — приходится иногда не спать всю ночь и прислушиваться, дышит ли он. Очень помогает паллиативная служба, которую Анна вызывает, когда нужно проводить определенные процедуры или подменить ее посреди дня. Но и они ничего хорошего сказать не могут.

Любая мама, тем более со своим первенцем, не верит врачам и думает, что все обойдется. Ведь что они только ни делали первое время: и лечение меняли, и массажи различные пробовали, от которых становилось только хуже, усиливались судороги, приводящие к искривлению позвоночника и деформации грудной клетки. Плюс ко всему одна ножка становилась короче другой.

От безысходности Анне даже пришла идея поехать по знахарям, но и это не помогло: все они оказались жалкой Иисусовой пародией с честными глазами.

В свои одиннадцать месяцев ребенок не держит голову, не сидит, не реагирует на звуки, не видит, хотя уже умеет сам открывать и закрывать глаза, что позволяет больше не прибегать к помощи пластырей. Но маленькие сдвиги лечение все-таки дает, и для Анны эти сдвиги кажутся межгалактическими свершениями. Каждую мелочь она сообщает подругам.

— Ты представляешь, — говорит она Олеся по телефону, — у нас сегодня первый зуб появился и Илюша прям улыбнулся мне, как будто хотел показать его.

— Здорово, Анют! — отвечает подруга. — Очень рада за вас. Дай Бог, чтоб все шло к лучшему.

— И кстати, — продолжает Анна. — Нам сегодня уже одиннадцать месяцев! Мы отмечаем каждый месяц. Как говорится, праздник со слезами на глазах. И мне так хочется, чтобы он как можно быстрее научился глотать, чтобы уже отказаться от зондового кормления.

— Правильно! А потом и все остальное зацепится.

Но на поддержку подруг Анна не может полагаться бесконечно. Помимо ребенка у нее возрастает еще одна проблема: ее муж становится другим и с каждым днем все больше и больше отдаляется от семьи. Она верит, что гуляния Макса и интрижки долго не продлятся, но его замкнутость и безразличие ко всему окружающему дома не может не беспокоить ее до мозга костей.

Макс часто впадает в задумчивость, крутит в руках телефон, без конца смотрит на часы и много курит. Почти каждую ночь он не может заснуть, даже когда ребенок чувствует себя на удивление хорошо и не поднимает лишней раз Анну с постели.

А через какое-то время Макс сообщает, что подыскал новую квартиру, которая находится далеко от центра города и стоит вдвое дешевле. Супруги совершают проблематичный переезд, что доставляет ребенку лишнюю порцию неприятностей. Теперь их жилье гораздо проще, но для Анны это ничего не меняет — она готова жить хоть в сарае, потому что понимает, что в любом гнездышке, даже самом маленьком и обшарпанном, можно жить. Главное, чтобы присутствовали любовь и забота, а комфорт и тепло появятся сами собою. Но Макс и тут остается ей соседом, молчаливым и неудачным соседом. И Анна старается не трогать больной для него темы, хотя вопросов и претензий у нее уже по горло.

Вечером, после переезда, Анна все же решается и заводит с Максом накипевший разговор, чтобы хоть немного расставить точки над "i". Начинает она издалека:

— Знаешь, мне так, порою, не хватает отдачи, — говорит она. — Хочется, чтобы наш зайчик улыбался, узнавал меня, понимал, что я рядом.

— Ну ведь совсем недавно была хорошая отдача, — отвечает Макс. — Появился первый зуб.

— Да, прорезался зубик. А сам-то ты не хочешь посмотреть, ведь уже неделю, как прорезался?

— Хочу. Но только не сейчас. Ведь он только что успокоился.

— Тебе же все равно. Зачем ты ведешь со мной эту глупую игру?

— У меня просто голова забита другим, вот и все.

— Я знаю, у тебя не складывается в делах. Но сейчас ты дома со своей семьей. Можно же как-то не смешивать работу и нашего ребенка?

— Чего ты хочешь от меня?! — срывается Макс. — Твой ребенок не дает мне спать по ночам. Может, поэтому я весь день убитый и не могу заключить ни одного важного контракта!

— А может потому, что стоит уже задуматься и устроиться на нормальную работу. Ты почти год бьешься впустую. Может, хватит уже пахать на своего отца. Или он тебе дороже твоей семьи?

— Лучше не лезь в мои дела. Это бизнес, а в любом бизнесе всегда не все гладко

поначалу.

— Это не бизнес, а лишняя проблема. Ты выполняешь указания своего начальника, которые не дают результатов. Вернись в реальность. Это твоя жизнь.

— Результаты есть и будут. Еще раз тебе говорю, не лезь в мои дела. Я же не лезу в твои. Занимайся ребенком.

— А лучше бы лез, потому что ребенок тоже твои дела. От тебя никакой помощи, мне все приходится делать одной. Ты хоть раз сменил ему подгузник? Хоть раз покормил его без меня? Ты даже не помнишь уже, как этим зондом пользоваться.

— Я даю тебе деньги на это бесполезное лечение. И ты еще говоришь — никакой помощи от меня.

Больше Макс не хочет разговаривать. Он молча наливает себе кофе, медленно выпивает его, потом выливает в раковину остатки и идет спать. Фразы жены еще долго звучат в его голове, но в конечном счете он засыпает, отвернувшись к стенке от семейных проблем. А между тем бизнес совершенно не давал результатов.

* * *

На рекламу компания тратит нехилые такие деньги, и это уже из заемных средств. Телевизор и радио гоняют ролики с продукцией компании ежедневно. По городу появляется множество стендов и растяжек с аппетитными картинками и изворотливыми слоганами: "Чипсы от Соболева — это вкусно и полезно, потому что наш продукт не содержит вредных добавок". А как водится, натуральная пища — залог внутреннего спокойствия организма. Только вот покупателям этого не объяснить, потому что все и так понимают, что жить на земле вообще вредно.

Вроде бы все делали, как полагается, ведь реклама двигатель торговли. Но как бы мощно ни рычал этот двигатель, если начинающий гонщик заехал на слишком большую трассу, то нечего ждать призового места, особенно если соперники опытные лихачи с многолетним стажем.

Товар, который мало-помалу все же удавалось загнать на прилавки, лежал долго и продавался очень слабо и по большей части возвращался назад по истечении срока годности. Цены приходилось ронять, потому что раскрученные бренды, имеющие свои собственные, проплаченные места в магазинах, стоили дешевле и расходились на ура. Конкуренты даже не прибегали к каким бы то ни было уловкам, потому что уже привыкли к новым, временным игрокам на рынке. Для них продукция Соболева была нормальным явлением — очередным криком наивной выскочки.

Из-за снижения цен фабрика только сильнее ощущает непреодолимые расходы. Помимо прочих постоянных затрат приходится делать ежемесячные платежи по банковским долговым обязательствам. А в это время на отлаженном производстве господствуют кражи. Да может и к лучшему, потому что картофель, закупленный в особо крупном размере для долгой перспективы, начинает давать усадку и прорастать. Не в лучшем положении находится и готовая продукция в блестящей упаковке: ее горы на складах, наоборот, увеличиваются, а ведь и она, в зависимости от своих технических условий, имеет свойство портиться.

Реклама гремит недолго, и настает тот день, когда ни в одном магазине города Москвы уже нельзя отыскать ни единой пачки чипсов от фабрики Соболева.

В итоге остались они — Макс и Олег Арсеньевич — один на один во вновь опустевшем офисе. Цеха встали без работы, сотрудники поувольнялись без последней зарплаты. И только куча долгов перед банком была единственной перспективой у шефа и его помощника.

Но сам Олег беззаботно курит, сложив ноги на столе. И что творится у него в голове — большая загадка для Макса. Разорившийся фабрикант будто и не расстроился — ну подумаешь, очередной провал, с кем не бывает. То ли дело Макс: грызет ногти от нервов и поминутно смотрит в сторону отца в надежде услышать хоть какой-то план действий. Но тот молчит.

— И что нам теперь делать? — не выдерживает Макс. — Мы пришли к тому, с чего начинали, только теперь у тебя нет денег, чтобы развернуть какой-то новый проект.

— Как только я придумаю, что нам делать, ты узнаешь первым, — отвечает Олег и закуривает очередную сигарету.

— Пока ты будешь думать, я с голоду помру. Я и так уже почти год никаких денег не получал, потому что работал за идею. А идея твоя прогорела. Но одно мне не ясно: почему я-то должен страдать?

— Все правильно. Ты же владелец бизнеса, начальник. Твоя задача сначала заплатить рабочим, а в последнюю очередь уже себе.

— На меня денег всегда не хватало, потому что многим сотрудникам мы постоянно были должны по зарплате.

— Ты сейчас что хочешь от меня? Если ты в нужде, продавай товар, который лежит на складе. Вытаскивай хоть какие-то деньги, потому что скоро не будет ни товара, ни станков. Все это принадлежит банку, пока не погашен кредит. А ты и сам знаешь, что мы уже на три месяца просрочили все платежи. Так что давай, продавай, пока есть время.

— Да это говно даже на витринах не продавалось, о чем ты говоришь вообще! Вся эта идея изначально была полным абсурдом. Что ж ты сам-то не продаешь свое детище?

— А кто у нас молодой и перспективный мачо с амбициями? Кто у нас окончил экономический институт? Тоже мне, отличник нашелся.

— Ну ты еще скажи, что по моей вине мы прогорели. Скажи, что я купил диплом и не умею вести деловые переговоры. Скажи, что мы не залезли на рынок из-за меня.

Макс закуривает, впервые при своем отце. Но тот даже не смотрит в его сторону — слишком уж это глупо, обсуждать какие-то правила, когда сотни миллионов ушли коту под хвост.

Несколько минут Макс нервно дымит, стряхивая пепел прямо на пол. Когда к пальцам подкатывает жар сгорающего табака, он тушит окурок прямо о стол — видимо, совсем прикипело. Он встает напротив отца и возвращает разговор в прежнее русло, но только теперь уже в более крутое и каменистое.

— Значит, ты считаешь, что я виноват в нашем банкротстве? Нет, ты не молчи. Я работаю на тебя уже несколько лет, а в результате до сих пор ничего не имею.

Соболев не отвечает. Сказать ему нечего. Да и не хочется — он не видит смысла обсуждать то, чего уже не изменить.

— Это ты виноват! — говорит Макс после короткой паузы. — Ты взялся за пряник не по зубам. Зачем ты накупил столько ненужного оборудования? Зачем снял столько лишних корпусов, некоторые из которых мы даже не использовали? А сырье? Большая часть его пропала! Это же скоропорт! Неужели ты не думал, когда закупал столько картофеля...

— А ты? — перебивает Олег. — Зачем ты столько денег на бесполезную рекламу

угрожал?

— Да за счет этой рекламы мы хотя бы что-то продали. Нет, ты не бизнесмен. Ты мечтатель и авантюрист. Решил корпорацию основать. Это же смешно! Надо было сначала одну линию купить и у себя в гараже ее опробовать. Мы бы уже тогда поняли, что все это не выгорит. Деньги бы хоть целы остались.

— Я эти деньги заработал, я их и потерял! — находчиво улыбается Соболев. — А что сделал ты? Женился вопреки воле родителей и родил калеку? А теперь умничаешь тут стоишь!

— Ах вон как! Ну тогда и разгребай свою гнилую картошку один!

Макс уходит. Его глаза полны решимости. Только детонатора не хватает в руках, чтобы разрушить последний мост, отделяющий его от отца. Куча оскорблений так и лезет из него, но он сдерживается.

Захлопнув дверь кабинета, он слышит вдогонку:

— Да потому что нечего было бухать и накуриваться со своими дружбанами! Отсюда и все проблемы!

Макс едет в неизвестном направлении — просто катается по городу. Ехать ему, по сути, некуда. Но ведь надо же чем-то занять себя, чтобы как-то переварить ситуацию. В его голове крутится бешеный вихрь из обиды, сомнений, страхов и недосказанных острых слов. Но бесполезно теперь что-то выяснять и доказывать, когда нужно думать о собственной лодке, попавшей в бурное течение. Позже он понимает, что ему нечем заняться, что он безработный, что завтра неоткуда брать деньги. А ведь нужно платить за квартиру, покупать продукты, дорогие лекарства для ребенка, заправлять Porsche в конце концов. В его кармане уже давно не водятся прежние купюры, а запросы уменьшать намного труднее, чем приобретать.

За время бесплодного развития бизнеса Макс, конечно же, успел немного приучить себя к более экономному существованию, но время-то не остановить, и оно продолжит из месяца в месяц выставлять ему крупные чеки. С тех пор, как компания вошла в кредитные отношения, Макс не получал зарплату и тратил деньги из собственных сбережений, которые успел скопить еще в благополучный период, пока были связи с Мосавтодором. Но запас этот почти исчерпан и теперь даже не позволяет начать какое-то свое маленькое дело.

Макс прикидывает, что денег ему хватит максимум на полгода даже при очень скрупулезном расчете. Квартиру он уже сменил на более дешевый вариант, а продукты покупал только самые необходимые. Да и не хотелось как-то кушать пармезан, потому что депрессия заглушала аппетит — наверное, единственный плюс этого черного недуга, особенно, когда лишние траты ни к чему.

Но все же он не отпускает ту мысль, что нужно продолжать крутиться в сфере бизнеса, конечно же, не такого большого, к которому всегда стремился его отец, но уж точно не идти работать на кого-то. Да и куда он мог устроиться? Это же значило не то что спуститься на ступень назад, а совершенно прыгнуть в самый низ. Ведь у него не было как такового опыта работы. В его трудовой книжке одна единственная запись "директор", и он просто уверен, что такой директор, каким он по большей части был, попросту никому не нужен. Независимо от статуса он все равно оставался подчиненным с должностными инструкциями: "принеси подай, пошел на хуй, не мешай".

А дома Анна, как никогда, пристает к мужу с собственными соображениями.

— Устраивайся на работу, — говорит она. — Начни все с чистого листа. Я знаю, что

денег у тебя осталось мало, а в нашей ситуации будет катастрофа, если они совсем кончатся. Мой декретный отпуск тоже не вечный, и скоро я не буду за него получать, а деньги, которые поступают за инвалидность Илюши, не покроют всех наших расходов.

— Ты что, смеешься что ли надо мной! — отвечает Макс. — Куда я могу пойти? Каким-нибудь мелким клерком? Нет уж, заранее увольте.

— Максим, пожалуйста, не тупи, — продолжает Анна. — Спустись на землю. Уже давно надо было понять, что бизнес — это не твое. Ты очень красивый и интересный человек, ты на любой работе быстро продвинешься и будешь хорошо зарабатывать.

— Нет, я не смогу так. Я просто занимался не тем делом все это время. Вот увидишь, я обязательно что-нибудь придумаю. У меня еще осталось много знакомых.

* * *

Макс начинает встречаться со всеми, с кем когда-то общался. Похождения по заведениям становится его единственным занятием. Но делает он это только в ночное время суток, потому что днем все нормальные люди работают.

Теперь Макс в таких местах скован и глуповат. Он чувствует себя не в своей тарелке, общаясь с популярными членами блестящего общества, в котором сам когда-то светился ярче остальных. Но это и не удивительно, потому что больше он не разбрасывается деньгами направо и налево, а страхи, что они с молниеносной скоростью убывают, не покидают его даже в моменты бурного веселья и алкогольного опьянения. Но Макс и не чувствует себя пьяным — виски его не берет, как раньше, потому что он постоянно удручен, вместо того чтобы расслабиться. Да и пить много он не может — слишком дорогое удовольствие. И ему очень нелегко играть роль прежнего мажора, не имеющего забот и переживаний о завтрашнем дне. Поэтому он изворачивается, как может, чтобы не потерять лицо и надменное окружение не подумало невесть что. Но друзья-то его с деньгами и совершенно не считают их в обыденной обстановке, сидя за столиком.

— Что будешь заказывать? — спрашивает Макса один из приятелей.

— Я не хочу есть, — отвечает Макс. — Аппетит что-то ни к черту.

— Да и сам ты злой, как черт, — замечает собеседник. — У тебя что горе в семье? Жена что ли бросила?

— Ну типа того. А если честно, с отцом полный напряг. Хочу уйти и работать отдельно.

— Знакомая ситуация. С отцом всегда сложно работать. Но ведь у вас же свой бизнес. Глупо это как-то с твоей стороны — отделяться. Там у тебя будущее, хороший доход. Не лучше ли просто терпеть?

— Согласен, но у меня уже сил нет выслушивать постоянные претензии. Может, у тебя есть какие-то идеи? Или к себе возьми помощником?

— Хм, да у тебя и впрямь все плохо. Ну к себе-то я никак не возьму — я и сам помощник. А вот парочка идей у меня действительно есть. Но там деньги нужны большие. Мы как раз сейчас ведем переговоры с потенциальными инвесторами.

Но что мог предложить Макс? Только свое участие, потому что денег у него нет. А подобные разговоры он заводил со многими знакомыми, и все поголовно давали ему мягкое "НЕТ" в длинном и завуалированном толковании собственных проблем.

Целый месяц Макс не работает. Хоть от его списка знакомых уже почти и не осталось вариантов, но он все равно продолжает с кем-то встречаться и убивать время. Домой он не

едет, даже когда делать нечего. Дом и семья вообще стали для него чем-то нежелательным, ведь там надоедливая жена с вечными упреками и наставлениями. И вместо общества второй половинки, когда уже не с кем встретиться, он выбирает Диму, который только и рад составить компанию старому другу. Макс рассказывает ему о своих провалах в бизнесе и как Анна постоянно пристает к нему с поисками нового трудоустройства.

— Ну, может, она и права в какой-то степени, — говорит Дима. — Все-таки стабильная работа сейчас для тебя куда важнее, чем бить пальцем в небо.

— И ты с ней заодно! — отвечает Макс. — Нет бы подбодрить меня. Видишь же, что как на иголках сижу.

— Да все я понимаю. Но разве у тебя есть выбор?

— Ничего у меня уже нет. Просто я сам нанимал людей и знаю, что это такое, когда пашешь на чью-то идею за гроши, а потом глядишь и ручкой тебе машут.

— Не спорю. Всем хочется работать там, где ничего делать не надо, и чтоб за это платили много. Но извини, такие места на дороге не валяются, а передаются по наследству. Я вон работаю на производстве в ночную смену и хоть что-то зарабатываю.

— Конечно, зарабатываешь, но и время свое отдаешь.

— Кстати, как твой малыш? — спрашивает Дима, меняя тему. — Поправляется?

— Ты знаешь, сначала были какие-то сдвиги, но в последнее время хуже стал. Постоянные судороги и непрерывный плач. Не знаю даже, есть ли смысл продолжать лечение. Все препараты эти так дорого стоят, а ничего хорошего не дают.

Так оно и было на самом деле. Ребенку уже шел второй год, но он до сих пор не мог глотать, не двигался, не реагировал на звуки и ничего не видел. А еще хуже того, он перестал самостоятельно дышать.

Сильный регресс произошел ночью: у ребенка начались судороги и значительно затруднилось дыхание. Пришлось вызвать скорую помощь. И таких ситуаций было несколько: Анна с малышом, можно сказать, почти не покидала реанимацию.

Дома он снова дышит с помощью аппарата искусственной вентиляции легких. И веки, как раньше, не закрываются, и Анна вновь прибегает к старым добрым пластырям.

Еще один сильный удар получает заботливая мама, хотя целый год уже наблюдались слабые улучшения здоровья ее малыша. Но она не сдается, ведь она готова даже местами с ним поменяться, если б это только было возможно. Она бы, не думая, отдала свою жизнь, две жизни, три, лишь бы ее зайчик хоть один день прожил как нормальный, здоровый ребенок. Такими мыслями она всегда делится с Максом.

— Ты не представляешь, как мне хочется погулять с Илюшей где-нибудь в парке, — говорит она мужу. — Да я бы все на свете отдала за один только день, за одну минуту его счастливого детства. Я очень мечтаю, чтобы он увидел небо, поползал по мягкой травке, посмеялся, глядя на меня. Иногда я смотрю в окно и наблюдаю, как там — внизу, на детской площадке, папы и мамы играют со своими детками. И я сразу представляю там себя в маленькой песочнице, а рядом Илюша загребает песок своими крохотными ручками и насыпает в формочки. А потом он смотрит на меня и говорит: "Мама, не плачь, со мной все хорошо".

— Зачем ты все это говоришь? — возмущается Макс. — Ты думаешь мне что ли легко? Ты считаешь, я никогда не думал об этом? Я тоже все это представлял, но теперь уже просто сил нет. Да я бегом пробегаю мимо этой проклятой детской площадки, чтобы не видеть и не слышать, как другие ложками жрут свое счастье! Знаешь, иногда мне хочется просто

сгинуть, исчезнуть и пускай все катится к чертям собачьим.

— Прости, — всхлипывает Анна. — Я не думала, что тебя это так затронет.

— Давай лучше реально посмотрим на вещи, — говорит Макс с пущей серьезностью. — Все вернулось в самое начало, и ты сама это прекрасно видишь. Я считаю, что стоит прекратить лечение. Если уж ему суждено поправиться, то он сделает это и без всяких препаратов, с божьей помощью, как ты говоришь.

— Нет, Максим, нельзя ничего отменять. Это его просто убьет.

— Да пойми же ты, дети в полтора года уже бегают по дому, разговаривать учатся! А что будет через пять лет? Тебе что, цветка в горшке на кухне мало?

— Ну ты и сволочь! И как только ты можешь такое говорить! Тебе надо было на акушера учиться — ты очень хорошо вписываешься в их компанию.

— Значит, надо было.

После столь неудачного разговора Макс уходит, громко хлопнув дверью. С вечера и до самого утра Анна дома без мужа. Макс впервые не ночует в ее постели, и этот случай стал для него толчком. Теперь он частенько не приходит вечером домой. Иногда он бывает у Димы, который всю ночь на работе, а иногда с какой-нибудь девицей в дешевой гостинице. Так он пытается забыться, и у него неплохо получается. Только вот Анна не может больше притворяться дурочкой — слишком уж тяжело приходится ей одной в четырех стенах с маленьким инвалидом.

— Ты не ночуешь дома, — говорит Анна. — И неужели ты думаешь, что я ничего не замечаю?

— И что же такого ты заметила? — спрашивает Макс.

— Да ты же спишь с другими бабами, а потом как ни в чем не бывало приходишь с невозмутимым лицом и ложишься в нашу постель! Это же так низко! От тебя всегда чужой запах, когда ты возвращаешься, запах каких-то грязных шлюх! И мне противно дышать твоими проститутками!

— Так не дыши! Я что заставляю тебя что ли? Не дыши, не ложись со мной! Можешь не жить со мной, если тебе так противно!

— Да как ты можешь такое говорить! Ты что с ума сошел! Это же предательство с твоей стороны! Как ты можешь так себя вести? Ты подумай о нашем сыне!

— Ой, вот ему, по-моему, вообще все равно.

— Нет, я не верю. Я просто не верю. Это не ты сейчас говоришь. Ты не способен на такое. Не такого Макса я когда-то встретила.

— Да и ты уже давно не такая, какой была раньше. Ты посмотри, во что ты превратилась.

— Пожалуйста, замолчи! Оскорблений мне еще не хватало!

— Все, с меня хватит. Мне тут больше не место.

С этими словами Макс достает свою спортивную сумку и начинает небрежно набивать ее необходимыми вещами.

— Что ты делаешь?! — ошарашенно спрашивает Анна.

— А на что это похоже?

— Максим, одумайся! Не ломай больше дров!

Но Макс уже у двери, застегивает второй ботинок. Следом раздается щелканье замка, потом еле слышный скрип навесов. Эти звуки для Анны точно нож по сердцу. Неожиданно для самой себя она кидается к мужу и вцепляется в него крепкими объятиями.

— Остановись! — кричит она в отчаянии. — Не уходи, пожалуйста! Не оставляй нас!

Макс вырывается и бегом направляется к лестничной площадке. А Анна в дверях опускается на пол, потому что ноги онемели и не подчиняются. Она не может даже плакать от такого потрясения, но слезы сами собою текут по бледным щекам.

Спустя несколько минут в реальность ее приводит хрипение сына. На автомате Анна поднимается и идет в спальню — нужно поправить дыхательную трубку.

* * *

Первое, что делает Макс, это поселяется к Диме. Пока что его голова пуста и он не видит, как быть дальше. Но он знает точно, что через несколько дней все уляжется по своим новым местам.

С Анной он больше жить не собирается, и это решение он принял окончательно. Его уже давно напрягало все, что с ней связано, и дальше терпеть он просто не может. Не может он и бросить ее без денег, все-таки какое-то чувство долга у него еще присутствует. Тогда он решает и дальше оплачивать ей жилье, а там будь что будет.

Но ведь и о себе надо как-то позаботиться. Нельзя же вечно жить у Димы. Рано или поздно у друга появится очередная сожительница, с которой тот закрутит временный, а может, и окончательный роман, и Максиму придется съехать.

Поэтому в ближайшее время, чтобы не попасть в неудобное положение, Макс приходит к соображениям, что можно поселиться в хостеле. Во-первых, это втрое дешевле, чем оплачивать вторую квартиру, что он совершенно не может себе позволить, ведь у него и так каждая копейка на счету. И во вторых, если не тратить на лечение ребенка, во что он уже давно не верит, то средства его дадут ему возможность продержаться даже больше, чем полгода. Во всяком случае так он предположил изначально, а уж как его вкусы и привычки помешают ему, остается только ждать и наблюдать. Да и мысли о том, чтобы устроиться на работу, посещают его голову все чаще. Сначала он, правда, заливал их алкоголем, к которому хорошенько пристрастился за последнее время. Но потом он все же решается и открывает ноутбук, чтобы составить красивое резюме. А тут и Дима — неплохой помощник под рукой, который эту кухню знает вдоль и поперек.

Не хуже помощники и у Анны, брошенной в трудную минуту. С тех пор, как она осталась один на один с беспокойным малышом (а прошла уже неделя), к ней нет-нет приезжают то Ульяна, то Олеся, чтобы подменить ее в столь ответственном деле. Так у измученной мамы появляются свободные минуты, чтобы искупаться, приготовить что-то, поболтать с подругой в конце-концов.

Хоть и норовит всех женщин обсуждать своих мужчин и проблемы, связанные с ними (такова уж женская натура, и тут не поспоришь), но эти девушки стараются не разговаривать с Анной на болезную тему. А даже, наоборот, они всячески шутят с ней и веселят ее. И в те моменты, когда она радуется, ей всегда становится не по себе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вот смотрю я на себя в зеркало, когда насмеюсь с тобой весь день, — говорит она Олесе, — и чувство такое, что это не я совсем, что на мне маска какая-то. Просто грустно становится из-за Илюши.

— Ну лапуль, — отвечает Олеся. — Тебе полезно иногда и развлечься. Как бы там ни было, но хоть немножечко-то можно жить и для себя.

— Да, ты права. А знаешь, мне так хочется посмеяться со своим ребенком, ведь другие детки весь день смеются — я слышу этот смех с детской площадки под окном. И я уже не уверена, что он вообще понимает, когда я к нему прикасаюсь. Я, конечно, накручиваю себя, будто он знает, что я рядом, что забочусь о нем. Наверное, я это делаю, чтобы самой легче было. Но ему на самом деле все равно, кто его на руки берет и кто ему ласковые слова говорит. Правильно Макс заметил — ему ВСЕ РАВНО. Ну и пусть. Я люблю своего зайчонка и...

— И это главное, Анют. А этот Макс хренов тот еще подонок. Пусть валит куда-нибудь подальше. Мы и без него справимся.

Анна была очень благодарна своим лучшим подругам. Но все же она понимала, что с ребенком теперь одна. Да, она лелеяла надежду, что Макс все-таки одумается и вернется. Но скорее эта мысль была ее внутренним утешением в одинокие слезные моменты.

Несмотря ни на что Анна все же рассчитывала, что когда-нибудь ее сынок поправится и начнет хоть немного двигаться и соображать. Тогда она определит его в специальный детский сад для малышей с ограниченными возможностями. Она уже начиталась о подобных местах в интернет-форумах, где родители описывали, как в таких садах дети учатся ходить. И даже несмотря на ужасные ухудшения здоровья сына она в корне отказывалась думать о плохом.

Конечно же, кроме двух верных подруг у нее имелись и другие знакомые, но все они были заняты собственными заботами. Поэтому долго надеяться на своих помощниц Анна не могла.

Однажды Ульяна поговорила с ней начистоту и предложила переехать обратно в деревню к родителям. Но ведь она совсем не знала, в каком плачевном состоянии находились ее предки.

За своё отсутствие Анна только пару раз созванивалась с отцом и матерью. И один раз съездила к ним и то потому, что требовали обстоятельства: нужны были некоторые справки от управдома. Но все это было до рождения ребенка, и она по-прежнему совсем не хотела их знать. Несколько раз она посылала отцу деньги, зная, как они ему были до смерти нужны. Но то было чувство жалости, и не больше.

* * *

Спустя две недели Макс приходит в съемную квартиру. Он открывает дверь, а на пороге Анна: ее опухшие глаза полны надежды, она светится от счастья. Прямо как тюремщик, впервые увидевший луч света после долгого карцера. И Макс знает, что это он оживил ее своим неожиданным приходом, что до этого момента она как всегда плакала (на ее лице засохли еле заметные следы от слез). А ведь она все еще была его женой.

Анна сразу же обнимает Макса, но ее чувства берут верх, глаза слезятся от рвущейся наружу влаги. Он же, отнюдь, держится ровно и беззаботно. Просто ему очень хорошо удается скрывать свою внутреннюю борьбу. Сердце его ёкает в этот момент как никогда, и он еле стоит на ногах от напряжения.

Проходя на кухню, чтобы немного посидеть, он замечает по пути лежащего в спальне ребенка (головка его была повернута в сторону дверей, и Макс будто поймал на себе взгляд его маленьких полуоткрытых глаз). Он и сам не понимает, зачем задерживается, ведь он пришел, чтобы дать Анне немного денег.

— Ты, наверное, чай хочешь? — нерешительно спрашивает жена. — Или тебе кофе сделать, как ты любишь — без сахара?

Макс молчит. Губы его слиплись и пересохли. А может, он и сам боится расплакаться, поэтому и не разговаривает. Вместо этого он выкладывает на стол несколько крупных купюр, после чего отворачивается и смотрит в окно. Его взгляд рассеивается где-то там, на пустой детской площадке, которая вечером наполнится детьми и их родителями.

— А знаешь, — говорит Анна, нарушая тишину. — Я так хотела, чтобы мы сидели там на земле и наблюдали, как играет наш зайчик. Наверное, мне не суждено быть счастливой.

И снова эта напряженная пауза тянется долгими мгновениями. Одному хочется многое сказать, другой же озадачен собственными мыслями о завтрашнем дне.

Наконец Макс встает и направляется к выходу. На пороге Анна говорит ему:

— Я думала, ты решил вернуться.

Но Макс уже вышел, и в ответ она слышит только его удаляющиеся шаги.

— Приходи поскорее! — кричит она дрожащим голосом ему вслед. — Мы с Илюшей очень ждем нашего папу!

Закрыв дверь, Анна продолжает обливаться слезами, но уже вздохнул.

— Господи, неужели это не сон, — раздаются вслух ее мысли. — Нет, это не моя жизнь, это не моя жизнь. Нет, нет, нет...

Сев за руль, Макс больше не может терпеть и тоже дает волю чувствам. Лицо его быстро мокнет от слез, на душе становится горько и тоскливо. Но он крепко держится за свою линию: будущего с Анной и ребенком-инвалидом он не хочет.

Позже, разговаривая с Димой, он немного отвлекается и даже наоборот, становится прежним Максом с множеством дерзких и язвительных замашек.

— Так ты уже окончательно решил порвать со своей женой? — спрашивает Дима.

— Да, — отвечает Макс. — Я не могу с ней жить. Она больше не радует меня, как раньше. Сначала мы с ней мечтали, замки в небе разукрашивали, а теперь она только и талдычит про работу.

— Ну а как же ваш ребенок? Неужели тебя не заботит его состояние?

— Сегодня я завез ей небольшую сумму денег. И это все, чем я могу помочь ребенку. Хотя деньги тут не сыграют никакой роли. Все бесполезно. Все впустую. Я сам скоро останусь без средств к существованию.

— Значит, тебе нужно быстрее куда-то устроиться и начать зарабатывать.

— Надо, сам понимаю. Мне уже назначили несколько собеседований на завтра.

Но на следующий день Макс сталкивается с печальной действительностью: работодатели быстро его разоблачили, и разукрашенное резюме не особо подтвердилось на деле. Оказывается, что Макс не имеет опыта для высокооплачиваемых должностей, на которые претендует. Тут-то он понимает, что слишком высоко задрал планку в поисках работы. А ведь и Дима ему говорил, что начинать стоит с малого. Но Макс и думать не желает о столь унижительном для себя положении.

Такого же мнения всегда был и его отец. И как раз в тот момент, когда Макс в большом смятении борется с глупыми принципами, не позволяющими взять и смиренно опуститься до нормального человека, чтобы начать карьеру с нуля, Олег Арсеньевич идет на контакт. Он звонит и предлагает сыну встретиться, чтобы обсудить тему нового заработка. Услышав магические слова, Макс забывает о недавних обидах и мчится по указанному адресу. Для него этот зов — единственный голос в темном лесу, и он идет на этот голос, хватается за

него, как утопающий за соломинку. Но потом выясняется, что голос-то прозвучал из еще большей лесной кущи. Зовущий оказался не спасителем, а таким же потерявшимся человеком, думающим, что умеет ориентироваться без компаса. И Макс это только тогда понимает, когда заходит в незнакомый офис и его с широкой, отработанной улыбкой встречает какой-то мужчина. Отец сразу же представляет его как опытного гуру, познавшего все виды бизнеса и не раз испытавшего разорение.

— Это очень умный экономист, — говорит Олег не без лишних амбиций. — Это человек, который не раз наживал свое состояние и не раз терял его.

— И после долгих стараний этот человек нашел единственный эффективный и независимый вид заработка, — добавляет мужчина о себе в третьем лице.

— В общем так, Максим, — продолжает отец. — С этого дня мы с тобой начинаем новое дело без вложений. Садись поближе и вникай. Настоящий эксперт в области денег сейчас введет тебя в курс дела.

Но Макс уже наперед все знает. Ему с первого же взгляда не нравится этот фигляр в дешевом костюме с глупо торчащим лейблом от Армани. Долгое время, нося дорогую одежду, Макс без труда мог определить ее на вшивость. Но раз он вошел, какое-то чувство такта не дает ему сразу же тупо развернуться и уйти. С рухнувшими надеждами он слушает, как выскочка заворачивает ему о каких-то витаминах, о каких-то бинарных ветках, о какой-то сети нижестоящих подписчиков и о ежемесячных полетах за границу на собственном самолете через пару недолгих лет. Проходил он все это еще в годы учебы в институте, и уже тогда понял, что вся эта затея совершенно не укладывается с его жизненной позицией. Хотя, если разобраться, может тема-то сама по себе и содержит какой-то интерес для определенной группы лиц. Но Макс совершенно не относит себя к подобному сословию. Он молча дослушивает презентацию с заманчивой системой заработка, а после дает ложное согласие, что будет работать.

Когда же он покидает стены офиса, то первым делом добавляет номер отца в черный список, чтобы тот больше не смог до него дозвониться. С этого момента он окончательно хочет порвать с ним всякие отношения. Макс только лишний раз убеждается, что отец его полный профан, и больше не видит смысла возлагать на него какие-то надежды. С этого дня его будущее полностью зависит лишь от него самого.

Одна единственная задумка крутится в голове у Макса после столь неприятной встречи: во что бы то ни стало ему нужно куда-то устроиться. Он быстро соображает и решает выйти на давнего друга своего отца.

* * *

В то время, когда Соболев работал с Мосавтодором, у него в подчинении был Зенков Валерий, который отвечал за логистику, а фактически делал все. Нормальный такой мужик, выполнял свою работу ответственно и оперативно и с Максом контактировал на ура. К нему-то и поехал Макс, чтобы поговорить насчет работы, ведь он изначально выделял Валерия как человека, имеющего кучу связей. Оно и не удивительно, потому что Зенков был подполковником в отставке, ушедшим в коммерцию, как многие, похожие на него люди.

Валерий откликнулся сразу и назначил Максиму встречу в одном из кафе, где во время ленча можно обсудить любые глобальные вопросы.

За чашкой эспрессо Макс рассказывает собеседнику всю историю своего падения,

начиная с того, как Сдобин продвинулся по службе, и заканчивая тем, в какую авантюру пытается завлечь его собственный отец.

— Ну, Сдобин, конечно же, паршиво поступил, — говорит Валерий. — Мог бы и отплатить твоему отцу за былую доброту. Не поверю, чтобы там не нашлось хоть какой-то лазейки для Олега.

— Миша сказал, что все места уже заняты, — добавляет Макс.

— Да смешно даже как-то. Отец твой, считай, из грязи его вытащил и на свою же голову с людьми нужными познакомил. Просто он жук еще тот, этот Сдобин. Такие, как он, очень быстро забывают все хорошее. Хотя такие-то и добиваются успеха, как ни странно.

— Да, парадокс и только.

— А что ты там говорил, чем сейчас отец занимается?

— Да ерундой какой-то, чем же еще. Совсем с катушек съехал. С каким-то упырем связался и двигает сетевой маркетинг.

— Ну ты так сразу в штыки не становись. Может, тема интересная. Олег далеко не глупый и скорее всего увидел там выгодную позицию какую-нибудь.

— Да ничего там интересного нет. Полный абсурд. Нужно толкать какие-то витаминные комплексы, которые омолаживают организм и замедляют старение.

— Ну все ясно тогда. Очередной обман общественности. Кстати, а что же это он так фабрику свою обанкротил по производству чипсов? Вроде так все хорошо начиналось...

— А это вообще идиотизм чистой воды. У меня до сих пор в голове не укладывается, как можно было так глупо распорядиться своим нехилым капиталом. Тем более в нашей ситуации. Он же столько ненужного оборудования закупил, столько сырья, которое потом испортилось. Он думал, что стоит только произвести и оптовики попрут, как мотыль на простыню. Но не тут-то было, рынок оказался переполнен. Нужно же было все по уму делать: для начала хотя бы провести маркетинговое исследование, ну там рынок что ли изучить, специалистов грамотных нанять — технологов, маркетологов. А он тупо родственников беспонтовых брал, которые его же и обворовывали. Просто с катушек съехал окончательно.

— Ладно тебе, негоже так об отце говорить, какой бы он ни был. Тяжело ему все-таки досталось, когда с дорожного хозяйства выперли. Вот он и дал слабину. Ну а ты сам-то чем сейчас занимаешься?

— Да ничем не занимаюсь. Даже никакая идея в голову не лезет.

— Ну да, понимаю, сейчас трудно что-то интересное придумать. Чего ни коснись, всего кругом полно.

— Может, ты чего посоветуешь? Вот чем можно заняться в моем положении?

— Не знаю даже. В какой-то бизнес лезть — сложно, особенно без денег. А вообще, самый лучший вид заработка, это когда несколько человек собираются узким кругом и начинают пилить госбюджет. Вот это самый выгодный и процветающий бизнес в нашей стране. И вкладывать ничего не нужно, не считая смекалки и бесконечной удачи от природы.

— Так для этого нужно работать где-нибудь в государственном учреждении.

— Верно, занимать определенный руководящий пост, где выделяются деньги. Но в таких организациях все места обычно заняты. И чтобы туда приткнуться, порою даже самым мелким клерком, необходимы как минимум родственные связи. А лучше даже половые — это вообще безотказный вариант.

— Валер, а ведь ты же бывший военный, у тебя наверняка остались еще связи. Сможешь устроить меня в какую-нибудь государственную организацию?

— Но ведь у твоего отца столько друзей. Ты через него не пробовал?

— Да нет у него больше никаких друзей, раз он сам фигней всякой занимается.

— Печальная правда жизни. Друзья в сложной ситуации обычно отворачиваются.

Валерий прекрасно понимает Макса, потому что сам когда-то переживал подобную ситуацию, когда кругом куча друзей, а потом раз, и в определенный момент резко никого нет — как ветром сдуло.

Друзья вообще понятие неоднозначное. И при четко сформулированных взглядах каждый все равно по-своему определяет, кто для него друг, а кто всего лишь знакомый. Люди вообще часто ошибаются при выборе друзей, а когда понимают это, вдруг начинают ненавидеть каждый день, когда проводили в кругу этих самых друзей. Это происходит по определенной формуле, по какому-то физическому закону, только в данном случае здесь не физика, а социология. Но сходство все равно прослеживается, потому что, когда человек срывается в самый низ, его уже там никто не ждет. И он начинает менять свой старый круг общения на новый, а мнимые друзья становятся простыми знакомыми. Люди похожи на рыб в океане: на разной глубине обитает разный вид.

По-своему и Макс понимает эту систему. Его отец провалился в самый низ и сына за собой утянул, потому что были они в одной упряжке. Когда Макс оказывается на дне пропасти, его там ждет лишь Дима. Тут-то Макс и выдвигает свою теорию о взаимоотношениях:

— Не люди общаются между собой, а деньги, которые они готовы тратить, — говорит он, продолжая разговор с Зенковым. — Вот если в твоём кармане стодолларовые купюры, то и окружение у тебя с такими же банкнотами. Но как только там остаются пятидесятирублевые бумажки, то крупным деньгам с ними как-то уже некомфортно становится.

— Интересный взгляд у тебя, — замечает Валерий.

— Ну логично же, ты не считаешь? Поэтому я нисколько не удивляюсь, что отец даже сам себе помочь не в силах. Друзей-то у него оказывается никогда не было. Деньги кончились, и связи куда-то пропали. А ведь я спрашивал у него, не может ли он меня куда-нибудь засунуть. Но он только руками разводил, потому что даже не знал, к кому обратиться.

— Ну понятно все. Как говорится, деньги к деньгам. Такая поговорка и в обществе себя находит. Ты знаешь, я бы много куда мог тебя пристроить, но есть одна проблема: в армии ты не служил, а без армии даже рыпаться нет смысла. По моим каналам военный билет с соответствующими записями многое бы для тебя решил. Сейчас закон такой действует — президентский, что без армии никуда.

— Да как же так? — удивляется Макс. — У нас же даже министр обороны не служил.

— Ну, министр обороны, как и ему подобные, это маленькие исключения из правил. Там, наверху, для того и придумывают правила, чтобы самим их перешагивать.

— Но все же попробовать-то можно?

— Да, можно. Что ж не попробовать-то. Телефон у меня твой есть, глядишь, что-то и выстрелит.

На этом и заканчивается их встреча. Зенков прощается с Максом, заверяя, что пробьет для него варианты по своим связям. Но Макс не особо уповает, уж больно привык он за последнее время к отказам.

* * *

А в один прекрасный день, когда Макс уже нарисовал себе фундамент для розового замка, ему поступает нежелательный звонок от службы безопасности банка, который за одну минуту рушит все его мечты. Они и раньше звонили и предупреждали, что если компания не заплатит по своим долгам и штрафам, то дело закончится судом. По несколько раз в день Макса одолевали подобными звонками, пока он не перестал отвечать. И в этот раз поступает неожиданный звонок после долгого затишья.

Макс отвечает чисто случайно, и на линии раздается спокойный, авторитарный голос начальника службы безопасности.

— Максим Олегович?

— Он самый, — отвечает Макс, но, как раньше, трубку бросить не может, потому что чувствует значимость незнакомого мужского голоса.

— Вы должны нам двести четыре миллиона рублей, — продолжает мужчина. — Причем уже не компания, а именно вы.

— Будьте любезны пояснить, — удивляется Макс.

— Все очень просто. Ваша компания не в состоянии оплатить долг, который превышает залог оборудования, и так как вы и ваш отец являетесь поручителями, то долг переходит на вас. Нам не важно, кто из вас первый рассчитается, но теперь вы наши должники.

— Так пусть он и платит. Это же он брал все кредиты.

— Кто брал кредиты, это уже ваши проблемы. Лично вы являетесь поручителем, а значит, отвечаете перед банком в случае банкротства компании. Если сомневаетесь, приезжайте и сами посмотрите на все бумаги. Вы подписывали договор о поручении и фактически вы должны погасить оставшуюся сумму.

Только теперь Макс понимает, каким глупцом был, когда подписывал все без разбору, лишь бы скорее отвязаться. Огромный штамп ненависти вдруг появляется у него к отцу. Ему кажется, что он воспользовался им, как хотел.

— Вот урод, — вырывается у Макса. — Как же он мог так подставить меня?

— Если вы про своего отца, то он вас не подставлял. Повторяю, он тоже, как и вы, является поручителем. Его подпись у нас также имеется. В суд от вашей фирмы никто не приходил, поэтому теперь, если кто-то из вас не погасит долг, для начала хотя бы на треть, мы подадим иск на вас обоих. Даем вам ровно неделю.

Но Макс и близко не располагал такими средствами. Его состояние сулило ему от силы несколько месяцев держаться на плаву, а потом ему придется думать, как бы вообще с голоду не помереть, как он уже ранее говорил. Правда, у него оставалась еще дорогая машина, но и та была оформлена на мать, так что он даже продать ее не мог.

Макс быстренько снимает со счетов свои остатки — он понимает, что хранить деньги в таком виде, даже если это совершенно другой банк, просто небезопасно. Впереди у него долгие судебные разбирательства, на которые он являться не будет, потому что не видит в этом ни малейшего смысла. Суд в любом случае решит все не в его пользу, а потом начнутся блокировки счетов и поиски каких бы то ни было активов. Но благо на нем ничего не числится.

Что же касается его отца, то Макс был больше чем уверен, что и у того закончились все деньги. И он оказался прав. Олег Арсеньевич последнее время отказывает себе даже в пище.

лишь бы приберечь денег на бензин. Обстановка в доме у Соболева плачевная: Людмила Александровна без конца теребит его нервную систему, требуя ежемесячные взносы в свой кошелек. И не удивительно, ведь женскую натуру гораздо сложнее приучить к экономии, несмотря на то, что по природе своей все женщины консерваторы. Но только не Людмила. Уж больно зависела она от общества, к которому приписала себя в лучшие годы жизни.

Больших трудов стоит Соболеву объяснить жене, что положение критическое и что вместо того, чтобы продолжать задира́ть нос, нужно подумать, как бы не потерять последнее. А осталось у них только — роскошный дом да автомобиль представительского класса.

Олег сам предлагает жене переоформить имущество на ее мать, чтобы ничего не досталось банку, и совершает очередную глупость — от безысходности он и не задумывается о последствиях. Жена-то его оказалась еще той штучкой и поставила себя превыше остальных. А Олег потом только и кусает локти, досадуя на собственную участь. И как же он до сих пор не прознал свою вторую половинку, ведь позади несколько десятков лет совместной жизни.

Людмила после переоформления имущества, не раздумывая, подает на развод. Зачем ей муж неудачник? Теперь у нее фактически нехилый такой домик с шикарным авто в придачу — хорошее начало для новой жизни. Не забывает она и про Porsche Cayenne, который уже давно в ее руках, только свистнуть осталось.

Она заявляет в специальное агентство при ГИБДД, чтобы вернуть себе собственность (и такая услуга у них имеется). Иначе она и не может, потому что слишком хорошо знает своего сына. Ведь она так же, как и он, лучше сожжет машину, но только не отдаст ее по первой просьбе.

Когда Макс едет по очередным бесполезным делам, его останавливают сотрудники дорожной полиции и арестовывают автомобиль. Макс не может сопротивляться, так как основания ему предъявляют существенные. А оставшись посреди улицы на своих двоих, он нервными пальцами ищет в записной книжке телефона свою мать.

Людмила отвечает сразу, в отличие от сына, которому не могла дозвониться два с лишним года.

— Надо же, какой ты находчивый, — говорит она с издевкой в голосе. — Что ж ты не реагировал на мои звонки все это время? Конечно, понимаю, теперь тебе нужно, вот ты и суетишься.

— Как ты могла это сделать? — отвечает Макс. — Думаешь, у меня проблем не хватает?

— Да их у всех достаточно, — продолжает мать. — Но ты, похоже, забыл, что когда-то почувствовал себя взрослым. Так вот и привыкай к самостоятельности. Начинай все с нуля. А теперь я буду, как ты, не брать трубки.

Разговор обрывается. Макс чувствует себя убитым — он получил не в бровь, а в глаз. А что он ожидал, что с ним церемониться будут?

Он спускается в метро и первым делом изучает карту разноцветных веток — уж больно давно он не катался по подземным каналам сообщения.

В номере хостела, среди незнакомых людей, он сидит на своей кровати и даже не знает, как быть дальше. Теперь он свободная птичка, без дома, без работы, без авто и почти без друзей. Лишь собственные перышки с изображением городов героев в его распоряжении, да и те с каждым днем отрываются, за неимением постоянного дохода.

А Людмила Александровна по-другому и не могла поступить. Любыми путями она

обеспечит себя средствами для поиска нового спутника жизни. Она рассуждала так: чтобы встретить достойного, нужно и выглядеть подобающе. А ведь за последний год она хорошенько принизилась из-за затянувшегося семейного кризиса. И она просто ментально не могла принять ту участь, которая поработила ее самых близких людей. Вот она и решила воспользоваться данной ей властью.

Она стоит перед зеркалом и оценивает себя блестящими глазами.

— Какая же ты еще лапочка, — говорит она отражению. — Тебе уже пятьдесят, а выглядишь ты на тридцать пять. Ну, может быть, на тридцать семь.

Она и правда была хороша собой, и плевать она хотела на разорившегося бывшего мужа и самодовольного сынка. У нее еще есть шанс начать новую, вторую жизнь. Поэтому она продает дом, не за то состояние, конечно, во что он оценивался, но все же денег теперь хватает, чтобы купить в центре города одну квартиру для себя и другую для парочки жильцов, чтобы получать пассивный доход. Теперь у нее есть постоянный приток денег, хоть и небольшой, но вполне оправданный, ибо другого заработка она для себя придумать не могла. Она отродясь не работала, да и не умела работать. Но надо же как-то продолжать жить в достатке, ведь привычка — дело такое.

Неплохую сумму Людмила выручает и от продажи автомобиля Олега. Но Porsche она оставляет для себя. Теперь она во всеоружии. Эй, буржуи с одинокими сердцами, налетайте, хорошая партия на витрине!

А Макс лишился даже прописки и теперь стал самым настоящим бомжом. Только сам он этого пока еще не знает. Да и хорошо, что не знает, потому что нервничать ему нежелательно. Из-за последних неудач он и так порядком захирел.

Макс не спит ночами — ему жарко, несмотря на то, что за окном октябрь. Часто он выходит на улицу и идет в неизвестном направлении. Так ему легче думается. Но мысли его больше не о поиске работы — он перебирает прошлые ошибки, анализирует, где и как надо было поступить по-другому. Но теперь-то чего прошлое ворошить, когда нужно действовать. Просто чмо взрослое, начиненное амбициями, и никто больше. А ведь когда-то кокаин нюхал с декольте грудастых блондинок. Как быстро все может поменяться — разбилось блюдо, и вся малина смешалась с грязью.

* * *

Однажды Максу звонит телефон, прямо в семь утра. Виброзвонок настойчиво требует ответа. Макс в злости просыпается — ну какого черта, ведь у него совсем недавно получилось заснуть.

"Какой же баран додумался потревожить в столь ранний час", — думает он.

На экране высвечивается "Дима". Макс нажимает "ОТВЕТИТЬ" и произносит хриплым голосом:

— Да, Дим, что случилось?

— Как что, — раздается ответ. — С днем рождения!

— Вот это новость. А я и забыл. Спасибо.

— Да вижу, что забыл. А ведь раньше я всегда поздравлял тебя первым, помнишь?

— Помню. Раньше я уже в полночь проставлялся.

— Да, но меня никогда не было на этих вечеринках. Но это не важно. Желаю тебе всего самого нужного в жизни, всех благ.

Раньше его телефон с двенадцати ночи уже разрывался от звонков и сообщений от кучи приятелей, с которыми он когда-то был знаком. Но теперь что случилось? Неужели у всех так резко отшибло память? Ведь дату своего рождения Макс не переносил. На самом деле, он попросту стал никому не нужен.

Ему исполнилось двадцать шесть, и впервые в жизни он не планирует отмечать это событие. Слишком много он уже праздновал — почти каждый день был развлечением, и он разбавлял его алкоголем. Теперь же алкоголем он заливает одиночество.

Днем, правда, Максимум все же поступают поздравительные сообщения, но все они от разных бутиков и магазинов электронной техники, так — шелуха, спам авторассылки. А к вечеру он прочитывает еще одно сообщение — от Анны: "С днем рождения, Максим! Будь счастлив!"

Анна и раньше ему писала, а иногда звонила, но ведь Макс в последнее время стал настоящим профи не отвечать на звонки. Она пыталась с ним поговорить, но ни одна попытка не приносила пользы. Зато чудо техники не лишало Анну возможности хотя бы текстом доносить до непутевого мужа какие-то мысли. Бывало, что она писала много, рассказывала о своих однообразных буднях, о том, как скучает и как тяжело ей приходится одной. Не забывала она упомянуть и о ребенке.

"Наш зайчонок сегодня совсем плох, — читал Макс. — Сам почти не дышит. Каждый день я молюсь на этот аппарат, чтобы он не сломался. А еще к нам уже целую неделю приходит ЛОР, чтобы делать специальные ингаляции, так как миндалины в горле распухли и затрудняют дыхание (какая-то инфекция). Но ты знаешь, я все равно надеюсь на лучшее — на чудо, если тебе так удобнее считать. Раз он выжил, когда все этого так не хотели, значит, там, наверху, кому-то это было нужно. И я так хочу выйти на улицу с Илюшей, но с дыхательным аппаратом это просто невозможно. Но мы все равно гуляем — на балконе. Я открываю все окна и там становится свежо. Я даже научилась радоваться смеху с детской площадки и все время воображаю в эти моменты, что мы тоже там. Это не трудно оказывается: я закрываю глаза и вижу нас в песочнице".

Но бывало, Макс читал короткие сообщения: "Папа, вернись уже к нам, ведь это неправильно, когда ты не дома". Сперва это очень цепляло его, заставляло задумываться, обливаться слезами. Но позже он научился отвлекаться, не без помощи спиртного, разумеется.

Так же и в свой день рождения он пьет, в одиночку утешает себя бутылкой виски. А наутро ему становится дурно, наверное, как никогда прежде. Тошнота не отпускает его часами, пока не доводит до потери сознания. Очнувшись, он видит над собой испуганные лица соседей по комнате и привратника. Первые минуты Макс совершенно не понимает, что случилось и где он находится. Он чувствует слабость во всем теле, сильную головную боль и ощущение, как будто с того света вернулся, и от этого ему жутко страшно. А еще этот терпкий вкус крови во рту. В крови оказалась и его подушка. Но никто ничего не понимает и не может объяснить.

Его заметили лишь в тот момент, когда он уже во всю прыть дергался в собственной постели с пеной изо рта. Только врачи скорой помощи потом заключили, что это был эпилептический припадок, в результате которого Макс сильно прикусил язык. Этого еще ему не хватало. Прямо рок злой с запоздалым подарочком ко дню рождения.

Врачи записали свои показания, после чего дали Максимум направление в поликлинику. Но Макс не торопится туда идти. Позднее, немного оклемавшись, он вообще отказывается

принимать всерьез столь скверный случай и тупо ссылается на некую случайность. Только следующий приступ спустя две недели после первого заставляет его не на шутку беспокоиться. Упав прямо посреди улицы, Макс хорошенько разбивает лицо, и снова лужа крови, но на этот раз она пропитывает пыль на асфальте, а не мягкую подушку.

После двух зафиксированных скорой помощью случаев Макс записывается на прием к врачу. Невролог назначает пациенту МРТ, после чего определяет на недельную госпитализацию, чтобы провести обследование. Но спустя отведенный срок Макс так и не ставят конкретного диагноза. Врачи говорят разное — каждый свою теорию. Из всего Макс понимает, что у него глубоко в мозгу какая-то опухоль, о которой он и так уже давно знает. И эта опухоль стала давить на определенную область, что и вызывает эпилепсию.

При выписке Максуют назначают специальные таблетки на постоянной основе, чтобы с их помощью уменьшить приступы до минимума.

— По одной таблетке в день, — говорит доктор. — А главное, с этого дня ни грамма алкоголя и никотина. Эти дела вообще придется исключить из жизни, если не хочешь больше нос разбивать об асфальт да пены изо рта. Ах да, постарайся ночью получать полноценный сон, а днем побольше бывать на свежем воздухе. Если будешь соблюдать все указания, приступов, скорее всего, больше не будет.

Сначала Макс сдерживает себя какое-то время, но зависимость от сигаретного дыма и этанола практически без боя берет верх над его никчемной силой воли. Совсем отказаться от своих слабостей, которые подпитывал годами, он не может. А такой образ жизни совершенно не совместим с таблетками.

Приступы его навещают почти каждую неделю и каждый раз оставляют на память какой-нибудь шрам. При падениях он рассекает то бровь, то подбородок, то затылок. Язык его искусан вдоль и поперек и уже не обладает прежней чувствительностью. После каждого пробуждения Макс испытывает ужасное состояние, и длится оно весь оставшийся день. Ему все время кажется, что в следующий раз он просто не встанет, и это будет последний припадок в его жизни.

Не раз и Дима ему советовал избавиться от вредных привычек. Но раньше он предостерегал его слегка, а потом стал приводить достаточно плачевные доводы.

— Я прочитал про это все в сети, — говорит он. — Каждый приступ убивает в голове кучу нервных клеток. Ты понимаешь, к чему это может привести?

— Мне уже все равно, — отвечает Макс. — Слишком много дерьма успело произойти за последнее время. Продолжу жить, как раньше, и будь что будет.

— Какой ты бред несешь. Ты же прекрасно понимаешь, что ничего хорошего тебя не ждет в таком случае. С каждым припадком ты будешь тупеть, потом начнешь все забывать, а в итоге станешь овощем. Тебе этого хочется?

— Я хочу вырваться из своей ямы — вот единственное, чего мне хочется. Но вырваться, как оказалось, нереально. У меня уже почти не осталось денег. Квартиру смогу оплачивать еще один месяц, и столько же получится жить в хостеле. А потом все: улица, поиски ночлега и пропитания. Видимо, неправильно я все рассчитал: думал сбережений хватит на гораздо большее время.

— Ну ты же не смог отказаться от сладостей жизни, когда этого потребовали обстоятельства. Вот и получается, что теперь денег не хватает даже на еду. Брось сейчас же свои вредные привычки и сам удивишься, насколько это сэкономит твои деньги.

— С сегодняшнего дня я уже все прикинул строго без лишних затрат. Не знаю теперь,

что и дальше будет. Я давно с ней не живу, но...

— С Анной и своим ребенком, ты хотел сказать?

— Да, с Анной и ребенком. Но я все равно понимаю, что за мной какая-то ответственность, обязанность что ли. Поэтому до сих пор снимаю для них эту дурацкую квартиру. Но скоро я уже не смогу этого делать. Ты понимаешь? Скоро я буду не в состоянии предоставлять им жилье.

Дима прекрасно понимает, к чему клонит его друг. Но сам он не особо располагает деньгами, чтобы одалживать их на неопределенный срок. Он бы мог без проблем предоставить для его жены и ребенка свою квартиру, но только временно, пока Макс что-нибудь не придумает или не найдет подходящую работу. Но такой вариант он не решается предлагать раньше времени. Да и были некоторые сомнения у него по поводу самого Макса — уж больно замкнулся он в себе.

Но думать не пришлось ни Максиму, ни Диме. События сами избавили Макса от неразрешимой задачи. Как-то вечером ему долго и упорно звонит Анна, но после шести неудачных попыток она отправляет сообщение:

"Нашего зайчика больше нет".

Короткая фраза — четыре слова. Но Макса эти четыре слова в один момент погружают в полное оцепенение.

Он знал, был уверен, что рано или поздно это произойдет, и поэтому был готов, что событие это окажется не из приятных. Но теперь, получив печальную новость в реальности, Макс впервые за два года чувствует, как по-настоящему разрывается его сердце.

Он тут же перезванивает Анне, и, на удивление, слышит из динамика спокойный голос. Она тихо и медленно рассказывает ему, что у ребенка произошло кровоизлияние в мозг, а уже позднее, в реанимации, он заснул вечным сном.

* * *

Похороны делают на третий день, как и полагается. Уже декабрь, но снега еще в помине не наблюдается. На кладбище тихо и только вороны с отдаленных деревьев каркают свои грубые куплеты.

Перед вырытой могилой стоят Макс и Анна. А сзади, на несколько шагов, печально наблюдают за мрачной картиной Дима с Ульяной, единственные, кто остался рядом с этими несчастными. Когда-то у Анны была еще Олеся, но она быстро выдохлась и в самый разгар трудностей лишила поддержки заботливую маму.

Макс долго смотрит на мертвого малыша, на которого, пожалуй, и при жизни-то столько не смотрел. Теперь ребенок выглядит по-другому: его кожа посинела, а веки вспухли. Но Макс все равно видит в нем что-то близкое для себя, родное. И тут-то его охватывает настолько жгучая душевная горечь, что он даже скрыть не может, как стало трудно дышать.

— Ну все, — тихо говорит Ульяна. — Начинайте.

Двое землекопов принимаются за работу. Крышку гробика закрывают и заколачивают гвоздями. В этот момент Анна в истерике кидается к своему ребенку, которого больше не увидит никогда. Макс удерживает ее, но и ему, пожалуй, самому не мешала бы поддержка — его ноги постоянно подкашиваются, а слезы бегут в три ручья.

После долгих стенаний у невысокого деревянного креста они покидают священное

место. В квартиру они едут вместе. Всю дорогу Анна рыдает, отвернувшись к боковому окошку. Не лучше она чувствует себя и дома. Ее подушка промокает от слез, а иногда ей становится не по себе — она бледнеет и сползает на пол.

— Старайся не вставать с постели, — говорит Макс, укладывая ее на кровать. — Я сейчас принесу тебе успокоительное. Ульяна там оставила какие-то таблетки.

— Не нужно, — отвечает Анна. — Я уже пила их сегодня целую кучу.

— Хорошо. Что мне сделать для тебя?

— Ничего не надо делать. Ничего не хочу.

Макс идет на кухню, чтобы заварить себе кофе без сахара. Он бы выпил чего-нибудь покрепче, но в квартире уже давно нет места алкоголю.

Несколько часов Макс сидит в задумчивости, подперев голову руками. И, может быть, просидел бы так до глубокой ночи, если бы не услышал шаги: пришла Анна, бледная и заплаканная.

Она садится напротив, ее взгляд пустой и рассеянный. Спустя несколько молчаливых минут, она смотрит на Макса и произносит:

— Уходи. Слышишь, уходи навсегда и больше не появляйся в моей жизни. Через неделю я отсюда съеду. А до этих пор сюда не приезжай.

— Но куда ты пойдешь? — спрашивает Макс. — Что будешь делать?

— Просто уйди, Максим, просто уйди.

Макс встает и направляется к выходу. В дверях он задерживается и смотрит на нее. Но Анна не поворачивается: больше ей не интересно, что творится в дверях.

Пока проходит неделя, у Макса случается очередной припадок, на этот раз без крови — он чудом падает на газон. После этого он наконец-таки задумывается, что, может быть, и в самом деле стоит окончательно завязать с пагубными привычками. Но приступы не единственный мотив, чтобы начать что-то менять. Главную роль, конечно, сыграла смерть ребенка. Она словно оживила Макса, напомнив, что жизнь для некоторых все еще продолжается.

Наступает то время, когда Макс может приехать в квартиру и тоже собрать свои оставшиеся вещи. Но ему совершенно некуда их девать, разве что сложить у Димы на некоторое время. Все-таки это не деньги одолжить, отказать не сможет.

В квартире теперь все кажется пустым, заброшенным. А ведь совсем недавно в ней жили два самых близких ему человека. Макс садится на кушетке и печально разглядывает голые стены и выдвинутые полки в шкафах. Ему вдруг вспоминается та — первая квартира, где каждый день приносил счастье, а каждая ночь — тепло и уют. А в этой теперь только его вещи, аппарат искусственной вентиляции легких, специальная кроватка с некоторыми принадлежностями и общая фотография на столике.

Макс берет снимок в руки и впивается в него глазами. Это селфи вдвоем на Мосту Александра III в Париже. Какие же они были веселые в тот день! Макс вспоминает, как перелез через ограждение и пугал Анну, что спрыгнет в воду, лишь бы доказать, как сильно он ее любит. А потом она перелезла за ним и добавила, что ей придется прыгнуть следом. Но, услышав свисток полицейского, они перелезли обратно и побежали прочь.

Фотография все это время висела в рамке на стене. И это была единственная вещь, которую Анна оставила. Видимо, ей не хотелось брать с собой те воспоминания.

Когда Макс привозит вещи, Дима еще дома. До его рабочей смены остается пара часов и еще есть время попить чай и перекинуться несколькими словечками.

— Я вижу, Макс, ты сейчас в очень плохом положении, — говорит Дима. — И у меня для тебя одна идея.

— Интересно, — отвечает Макс, — Что же такого ты можешь мне предложить, чего я сам еще не пробовал?

— О, поверь, этого ты еще не пробовал. И это может тебе помочь. Завтра, во второй половине дня, свободен?

— А как ты думаешь? Что за глупый вопрос?

— Ну хорошо. Тогда ближе к пяти я сообщу тебе, где встретимся.

Придя в указанное место, Макс до сих пор не понимает, что задумал его друг. Дима к этому времени уже ожидал его, разместившись на лавочке. Пожав руку, он куда-то ведет Макса, но всю дорогу молчит.

Вскоре они доходят до нужного места — это Храм Рождества Христова.

— Вот мы и пришли, — говорит Дима. — Сейчас начнется акафист к Пресвятой Богородице, нужно поспешить.

— Зачем ты меня сюда привел? — спрашивает Макс, ступая на паперть. — Не понимаю, каким образом мне поможет церковь?

— Церковь тут совершенно не причем. Помогает Бог. А в твоем случае, тебе просто необходимо установить с ним контакт.

— Странно все это как-то. По мне, так Бог вообще от меня отвернулся.

— Бог всегда смотрит на людей. Только люди, порою, за всю жизнь о нем не вспоминают. Пошли, уже началось.

Макс покорно входит в храм и крестится. Целых два часа он молча повторяет все за Димой, слушает молитвы, а потом красивое пение. Дима тоже поет, нисколько не отставая от епархии священников. Стало ясно, что он здесь часто бывает и уже наизусть знает все кондаки и икосы.

По окончании службы настоятель храма обращается к пастве с короткой назидательной проповедью, после чего прощается, благословляя всех на сон грядущий.

Но Макс не спится в эту ночь. Он впервые провел в храме так много времени и весь сон, словно наяву, продолжает слышать невнятную речь молодого чтеца. А утром он снова встречается с Димой.

— Ну что, — говорит Дима. — ты готов теперь каждую неделю ходить со мной на службу?

— А это точно мне поможет? — спрашивает Макс.

— Ты опять неправильно рассуждаешь. Это приобщит тебя к духовной жизни, приблизит к Богу.

— Честно сказать, я всегда был против церкви.

— Ну и что. Иисус тоже был против церкви. Но дело не в ней. Пойми, церковь и храм — разные вещи. Поэтому, когда ты приходишь в помещение с иконами и священнослужителями, ты волен сам выбирать, чем все это будет для тебя являться. Но и туда ходить не обязательно, если в твоей душе отведено место для Бога, чего, кстати, не скажешь про тебя.

— А что не так с моей душой? По-моему, там полно места.

— Твоя душа забита всяким хламом. Для этого люди и ходят в храмы, чтобы освободиться. Тебе нужно успокоиться и перестать думать о плохом, тогда ты обретишь в себе Бога и он начнет направлять тебя на правильные пути. В общем он будет давать тебе

все, что тебе нужно.

— Знаешь, мне кажется, что Бог сам не хочет этого. Иначе зачем бы он устраивал мне столько неприятностей. Пока что он только забирает у меня последнее.

— Может быть, он подвергает тебя испытаниям.

— Каким еще испытаниям? Зачем он это делает? Разве он и так не знает, что я смогу выдержать, а что нет? Ты же сам говоришь, что он всемогущ, а значит, о любом испытании ему все известно наперед. Какой смысл тогда во всем этом?

— Ну, замыслов его нам не понять. Да и потом, я только предположил, что это испытания. Может, это наказание — карма за грехи твоих родителей или плата за твои собственные деяния.

— А как же другие люди, которые всю жизнь совершали ужасные вещи, и продолжают до сих пор? Где их карма? Когда же они понесут свое наказание? Такое ощущение, что чем больше они гадостей делают, тем больше благ им дается.

— Какое тебе дело до других, Максим? Так говорят только завистливые люди. А тебя должен волновать только ты сам. За других не переживай. У каждого свой ответ перед Богом, в этой жизни или в следующей, если таковая существует.

— То есть ты хочешь сказать, что тот молодчик, который всю жизнь только и наживается за счет горя и страдания других, понесет свою карму в следующей жизни? Так что ли получается? Значит, этим можно объяснить, почему дети больными рождаются? Они-то еще никому ничего плохого не сделали.

— Возможно, так оно и есть. Все мы живем по Божьему уставу. И получать будем все то, что он давно для нас приготовил. А тот молодчик, как ты говоришь, который всю жизнь богатеет и пакостит... Его, может быть, вообще ждет настоящий ад. И адом этим будет следующая жизнь: родится он где-нибудь в бедной Африке и будет голодать все детство. А потом ему отрубят обе руки и привезут сюда собирать в метрополитене с прохожих милостыню в виде добродушного налога. И знаешь, что самое ужасное в таком наказании? То, что он всю жизнь даже знать не будет, за что так страдает.

* * *

С того дня, как Макс побывал на службе в храме, его приходы туда повторяются каждую неделю. Разумеется, Дима всегда рядом, ведь так Максу гораздо удобнее. Он доверяет Диме, считая его достаточно грамотным в религиозном отношении, хотя Дима старается не наваливать на друга все правила богослужения. Когда-то он уже сам испытал на себе ту старую поговорку: научи дурака богу молиться... А уж для Макса хватит и самого малого в этом деле, ведь голова-то его и так побилась за последнее время об асфальт.

Но как бы Дима ни старался, Макс все равно ходит в храм с большой неохотой. Каждый раз ему приходится звонить и уговаривать, а порою даже заставлять.

— Ты все равно ничего не делаешь, — говорит Дима по телефону. — Вместо того, чтобы отдать час своего времени полезной прогулке и два часа Богу, ты намереваешься убить это время, сидя в своем номере за ноутбуком. Кстати, у меня для тебя подарок.

Когда друзья встречаются, Макс получает от Димы серебряный крестик на тонкой черной веревочке.

— Носи его всегда, — говорит Дима. — Потому что без креста на шее человек просто голый. И давай уже с этого момента начинай воспитывать в себе нормального мужика.

— А это еще что значит? — удивляется Макс.

— А то, что избавляйся от всех своих амбиций и принимай ту часть, через которую нужно пройти. Хватит уже искать престижную работу — закрыт тебе туда доступ. Полно же вон мест с низкой зарплатой...

— ...и рабским трудом, — добавляет Макс. — Как-то не хочется мне за гроши вкалывать.

— Но у тебя пока и выбора нет. Начни с этого, не трать время впустую.

И Макс действует. Разговор с Димой дает для этого определенный толчок. Да и деваться ему некуда, потому что денег почти не осталось. Да, неожиданный съезд Анны с квартиры позволил сэкономить ему некоторую сумму, которая должна была пойти в уплату за следующий месяц. Но и эта сумма истратилась, ведь весна уже сменяет зиму.

Денег у Макса остается только на пару месяцев проживания в хостеле, и это при условии, что он будет сидеть на одной овсянке по утрам. Он уже похудел до безобразия: из красивого, подкаченного мужчины превратился в осунувшегося, бледного проходимца. Не в лучшем виде и его одежда, которая имеет свойство изнашиваться. Вид его общий, конечно, сильно изменился.

Однажды он даже встретил в магазине своего старого знакомого, но тот не узнал Макса и прошел мимо. А может быть, вид сделал, что не узнал. Ну зачем ему этот червяк? Вдруг еще денег одолжить попросит.

И, может, это даже к лучшему, что он так изменился до неузнаваемости. Это только наводит его на мысль устроиться официантом в какой-нибудь фешенебельный ресторанчик. Он прекрасно знает, что официанты неплохо зарабатывают, так как сам всегда оставлял щедрые чаевые.

Резюме Макс решает не отсылать, а вместо этого лично пообщаться с работодателем. Но, обойдя несколько ресторанов, он сталкивается с одним и тем же ответом:

— Вы нам не подходите в качестве официанта, так как не имеете опыта. У нас заведение высшего класса, и весь персонал должен этому соответствовать. А обучать вас нет смысла, потому что претендентов хватает. Попробуйте начать с мелких кафешек или фастфуда.

Макс не унывает. Подумаешь, зарплата будет в пять раз ниже, чем в ресторане. Зато у него появится хоть какая-то работа.

День за днем он ходит по собеседованиям, но после каждой встречи ему поступает звонок с отказом. И никто не говорит причины.

Макс все равно не унывает. Подумаешь, обломилось работать мальчиком на побегушках. Зато есть куча других вариантов, которые он еще не пробовал.

Хождения по собеседованиям продолжаются. Он предлагает себя в разные компании: продавцом в мебельный салон, в отдел бытовой техники, в модную одежду. Его вполне устраивают вакансии администратора в спортивных клубах, развлекательных центрах. Не пропускает он и салоны сотовой связи. Но все, все почему-то ему отказывают.

Вот теперь Макс унывает. Все-таки на протяжении месяца он ходит на несколько собеседований каждый день и только собирает отказы.

И вряд ли бы он догадался о причине, если бы ему не рассказал об этом один из сотрудников на очередной встрече.

— Имеются ли у вас непогашенные задолженности перед банками? — спрашивает специалист по подбору кадров.

— Ну есть такое, — отвечает Макс. — Но разве это как-то может повлиять на мое устройство в вашу компанию?

— Еще как может. Требования к соискателям у нас не простые. Если у вас просроченные кредиты, то это создает для вас нежелательную репутацию. Особенно когда долги уже на исполнительных листах у судебных приставов. В каждой компании служба безопасности в первую очередь пробивает эти дела. Они рассуждают так: если кандидат не платит по долгам, то с ним лучше не иметь никаких отношений.

— Понятно, тут одно из двух получается: или я мошенник, раз не плачу долги, или тупой, раз взял кредит и растратил его впустую.

— Вы знаете, безопасники обычно не называют причины. Просто отказывают и все.

— Да ладно тебе, расслабься. Если я тупой, значит, тупой. Не ты же в этом виноват. Давай, всего доброго!

Макс почти на грани. Ему хочется полсвета расстрелять. Но один вариант у него еще в запасе. Он звонит давнему приятелю, с которым они когда-то неплохо общались, и назначает встречу. К нему он едет, чтобы сказать все прямо, и не предлагать себя в качестве партнера, а просить о помощи. Он так и говорит:

— Помоги мне, Серега, устрой к себе в фирму.

— А что ты умеешь? — отвечает приятель.

— Да все умею. Ты же знаешь меня — смогу быстро освоить любое дело.

— Я знаю, что недавно ты с большим успехом освоил производство чипсов. Но что-то продукции вашей уже давно не видно в магазинах.

— Серег, давай только вот эту тему не будем поднимать. Тошно уже от всего этого. Я думал, у тебя найдется какая-нибудь работенка для меня. Я ж не прошу о чем-то серьезном. Готов и с малого начать.

— А ты не пробовал раскидать резюме, поискать работу в крупных компаниях? Ты вроде неглупый парень. Ни за что не поверю, чтобы у тебя не получилось.

— Да пробовал. Не берут из-за долгов.

— Значит, мало пробовал. Охвати по максимуму все направления, все области. Хоть какая-то организация да примет тебя. Только вот какой-то ты стал невзрачный. Тебе бы плечи расправить да кушать побольше — похудел до неузнаваемости.

— Да потому что денег нет. И жить скоро будет негде. В хостеле, как бомж, проживаю.

— Ну ты и докатился. К такому-то возрасту пора уже и на собственную квартиру заработать.

— Ладно, пойду я тогда. Так бы сказал сразу, что ничем не поможешь. А советчиков мне, поверь, и без тебя хватает.

Эта встреча оказалась искрой для пороховой бочки. Никогда Макс еще не был настолько злым, как в эти первые минуты после неприятного разговора. Надо же, а ведь когда-то он сам мог поговорить с этим Сергеем с такой же интонацией. Да, может, даже и круче.

Нет, больше он не пойдет ни к одному знакомому с подобной просьбой. Хватит с него позора и унижений. А иначе это может плохо кончиться. Глядишь, и драка получится, причем в которой он проиграет при любом раскладе. Тут палка с одним концом: или ему набьют морду, а потом вышвырнут, или набьет он, но тогда его посадят. Нет денег, и никто ему не по зубам. Были деньги, и ему в зубы заглядывали.

Макс идет в направлении Храма Рождества Христова. Как раз скоро начнется вечерняя

служба, и Дима, наверное, уже ждет его перед входом. Но мысли его настолько подогреты после встречи с Сергеем, что сами собою воплощаются в голос.

— Урод поганый, — говорит Макс. — Можно подумать, ты сам себе квартиру купил. Да и вообще, что ты сам-то сделал из того, что посоветовал... папино у тебя еще все пока, советчик хренов. Ебал я твои советы! Ебал я твою квартиру, которую тоже тебе папа купил!

— На кого это ты так? — спрашивает Дима. — Ты чего такой злой?

Макс и не заметил, как уже пришел.

— Я злой? — отвечает Макс, выпячивая глаза. — Да я добрый — просто мать Тереза собственной персоной. Ужасно добрый. Кстати, на, забери свой подарок. Все это полная ерунда. Чтобы я еще ходил на какие-то службы. Нет уж, увольте.

— А ты что думал, начнешь молиться и тебе сразу манна небесная упадет? Ты всего-то ничего как ходишь в храм. Да и то, пока сам не захочешь, ничего не изменится. Начни с себя. А то пока что получается, ты просто одолжение Богу делаешь.

— Да нет никакого Бога. И не было никогда. Этот Бог твой одни падлянки мне устраивает. Такое ощущение, что это какой-то сопляк — сидит там на троне и глумится надо мной.

— Ты не можешь утверждать, что Бога нет, и одновременно обвинять его в своих неудачах.

— Да мне тошно уже от всей этой затеи. Видеть уже не могу всех этих толстяков в позолоченных халатах.

— А они-то здесь при чем?

— А при том! — заводится Макс. — Ты посмотри, как они живут! Посмотри, на каких машинах ездят! Вот зачем нашему патриарху такой шикарный дворец и яхта, как у олигарха?

— Ну он же патриарх — ему и полагается подобная роскошь. И потом не тебе его судить. У него свой ответ перед Богом, и поверь, с таких, как он, там, наверху, вообще двойной спрос.

— Да нет там никакого спроса. И нет там вообще ничего наверху. Все в мире несправедливо. Кто-то рождается принцем Гарри и наслаждается жизнью, выпендриваясь на публике, а кто-то — калекой, что не доживает до сознательного возраста. Так что нечего мне тут впаривать идею всех этих древних жуликов.

— Зря ты так. Человек не может без духовной составляющей. И когда ты это поймешь, тогда все у тебя и наладится.

Дима был не единственный, кто так говорил. Нечто подобное Макс услышит и от Зенкова, с которым увидится прямо в этот же день.

* * *

Расставшись со своим другом на плохой ноте, Макс уходит и направляется в сторону дома. В метро он не спускается — слишком все нервирует, чтобы еще и в вагоне переполненном по ногам ходили. А до его места жительства идти не близко. Но Макса это не волнует: у него полно свободного времени.

Идя вдоль проспекта, он встречает знакомую машину, едущую навстречу. Это Валерий, и он тоже замечает Макса и сразу же притормаживает, чтобы остановиться.

— Садись, подвезу, — говорит он, опустив стекло.

— Вот это встреча, — удивляется Макс, присаживаясь на переднее сидение. — Куда так

торопишься?

— А я всегда быстро езжу. Что стряслось-то? У тебя вид такой, будто ты убить кого-то задумал.

— И не отрицаю — я бы с удовольствием кого-нибудь убил сейчас, лишь бы это помогло. Но помочь мне, видимо, уже никто не может. Даже Бог от меня отвернулся. Ходишь тут в эту церковь бесполезную, молишься, как дурак, а он только продолжает палки в колеса кидать.

— Ну до чего ж мы дожили, — умиляется Валерий. — Уже Бога обвиняем в неудачах.

— Да сдался мне этот Бог. Придумал человека по своему подобию и давай над ним измываться. По-моему, он просто псих какой-то, если, конечно, он есть.

— Я тебя, может быть, разочарую, но Богу совершенно все равно, что ты там о нем думаешь. Так что даже не пытайся его оскорбить. И не он придумал человека, а человек его. Бог совсем не такой, каким его изображают в книгах. Просто человеку так легче жить да и удобнее, особенно тем, кто стоит у руля. А Бог на самом деле — это просто вселенная, огромный механизм, движущийся по своим законам.

— Да ты философ, Валер. Не пробовал книгу написать?

— Ну не глумись только, Максим. Я тебе вещи реальные хочу объяснить, чтобы ты не мучился. Я же вижу, ты уже на пределе. Вот ты пойми, во вселенной все предусмотрено за нас — каждому прописано свое. И что ты радуешься, что плачешь, ничего не изменится. Все будет идти по определенному сценарию, а потом возьмет и удивит тебя каким-нибудь сюрпризом. Поэтому надо просто успокоиться и наслаждаться мелочами.

— Да как тут наслаждаться, когда ничего не получается?

— И не получится. Если не прет, то так и будет до какого-то момента, еще раз тебе говорю. Но вечно же неудачи происходить не могут. Это как кривая на графике: сначала она падает, потом разворачивается и начинает расти. И не ускоришь ты этот процесс, даже если в церковь пойдешь.

— Хорошо. Что тогда делать? Ждать?

— Да не надо ничего ждать. Просто успокойся. Ты сейчас потерялся, мечешься, пытаешься за что-то зацепиться, что-то придумать. Но все без толку. То, что тебе нужно, само тебя найдет.

— Да как тут не метаться, когда деньги кончились, а работы нет? Да и еще долги такие за плечами, что никуда не могу устроиться.

— Ну продолжай потихонечку работу искать. Сложив руки тоже нельзя сидеть. Ты думаешь, ты один такой, с долгами большими? Есть люди и посерьезнее наворотили, но они все равно как-то двигаются и выходят из положения. Что-то ты в любом случае найдешь, ведь иначе не бывает. Вот если бы ты в армии отслужил, сейчас бы все намного проще обстояло. Ты бы и сам был сильнее духом, да и я бы тебе легко помог. А без армии у меня просто нет вариантов для тебя.

— А я и в армию-то не пошел, потому что отец так распорядился мной. Он сказал, что нечего мне там время терять, что у него для меня другие планы и все в таком роде.

— Ну он как лучше для тебя хотел, думал все так и будет в гору идти. Кстати, что у него там, получается с новыми проектами?

— Даже не знаю. Мы не общаемся больше. Но, думаю, вряд ли там что-то срослось с этими витаминными добавками.

— Да нет, я не об этом. Ты совсем не в курсе, что ли? Он уже давно другим делом

заялся. Он звонил мне недавно, предлагал участие. Но я даже не стал вникать, потому что его новые компаньоны не очень порядочные люди. Знаю я там некоторых прохвостов — ничего полезного от них лучше не ждать.

— Я даже не удивляюсь, — говорит Макс. — Мне уже давно понятно, что он болван, дилетант в финансовых делах. И в людях так и не научился разбираться, судя по всему.

— А вот я как раз, наоборот, удивлен. На него это совсем не похоже, чтобы со всякими прощельягами водиться. Там у них получается компания из трех человек — все уже старпёры, а до сих пор пытаются бизнес-планы какие-то продвигать: вечно ищут деньги на покупку заводов каких-то, предприятий металлургических. А по существу там все только на словах держится. Был у них один индивид, денег понабрал, растратил куда-то, а потом помер от старости. И как с такими работать?

— Да, неудачники сами друг друга находят.

А в это время Соболев постигал интернет. Раньше он не знал даже, как по электронной почте письмо отправить, все бегал да Макса озадачивал. Но теперь он больше чем уверен, что все деньги крутятся именно во всемирной сети, и поэтому взялся за свой ноутбук и начал кликать и читать, читать и кликать днями напролет.

Одно, правда, он отказывался понять. Даже Валерий говорил ему, что в сети, может быть, и в самом деле крутятся большие деньги, да и бизнес от нее уже неотделим. Но для Олега, как и для большинства пользователей, все интересные дела там недоступны. Да, пожалуйста, подписывайтесь и работайте с тем, что лежит на поверхности. Но только на поверхность-то один мусор всплывает по природе своей и ничего больше.

Но Соболев никого не слушает, а тупо гнет свою линию. Он просто не верит, что кончилась его эпопея, и продолжает надеяться, что скоро снова разбогатеет. В помощь ему идут мировые бестселлеры от Наполеона Хилла, Роберта Кийосаки и Владимира Довганя. Эти пособия от успешных миллионеров становятся для Олега настольными книгами. Хотя у него и стола-то собственного уже давно нет.

Живет он у своих новых компаньонов. Квартиру с пятью комнатами они уже давно используют и как офис, и как жилье. Вот и для Соболева кушетку подыскали.

Примерно такая же ситуация и у Макса. Только в отличие от отца он не обладает способностью убеждать, чтобы люди ему поверили и пустили пожить, лишь бы осуществить разукрашенные прожекты. Макс просто не умеет обещать золотые горы, что некоторым людям позволяет оставаться на плаву всю жизнь. А времени у него остается все меньше, точнее, пара недель, которые он оплатил в хостеле. И если он не предпримет что-то в ближайшее время, то улица будет его единственной обителью.

И вот в жизни Макса происходят новые события, которые, как нельзя кстати, выручают его из сложного положения.

* * *

Целый день Макс проводит на своей кровати, отсылая резюме по всем-всем организациям, предлагающим рабский труд и жалкие гроши.

По совету Зенкова, он переключился на поиски вакансий с физическим трудом. Раньше он и представить не мог, что когда-то будет готов работать руками, но времена меняются, и приходится приспосабливаться.

Весь день Макс в ожидании ответных звонков — каждые пять минут проверяет свой

сотовый, не сломался ли он. И наконец аппарат заиграл мелодию. Но на экране знакомый номер.

— Что, добить меня решила? — отвечает Макс на звонок.

— Да нужен ты больно — добивать тебя, — говорит Людмила Александровна. — Я помочь тебе хотела, а ты сразу грубишь.

— Как это на тебя не похоже. И что же ты такого можешь для меня сделать?

— Я слышала, что тебе жить негде. Так можешь использовать мою квартиру. Она у меня сейчас как раз свободна.

Конечно же, Макс не отказывается, ведь для него это настоящее спасение. Он, не раздумывая, мчится к своему новому месту жительства.

Оказалось, Людмила уже несколько месяцев как сошлась с неким старым знакомым, мелким, но ужасно везучим коммерсантом. Мужчина был далеко не молод, но имел свой коттедж в пределах третьего кольца и давнюю любовь к Людмиле. На ранних этапах общения он предложил своей возлюбленной переехать к нему и стать хозяйкой в спальне и на кухне. Его постель и духовка давно уже пылились без опытной женской руки, но старость не радость, да и случай подходящий.

Чего уж говорить о молодом человеке в расцвете лет, которым является Макс. У него тоже уже горит зависимость от домашнего очага. Ведь он так привык быть женатым, приезжать домой и втягивать аромат свежеспеченного пирога. Зависимость от этого быстро появилась, а потом, когда всего лишаешься, только и делаешь, что вспоминаешь, какая сладкая начинка была под тестом. Да, комфортно ему было женатым. А теперь он чувствует большую утрату, и его вторая половинка — бутылка дешевого пива, потому что на дорогое виски уже давно нет денег.

Проживая в новой квартире, Макс больше не переживает — главная проблема исчерпана. Но осталась и другая, не менее важная — нужно ведь как-то питаться. Даже самая дешевая овсяная крупа когда-нибудь станет для него недоступной.

Макс не останавливается в поисках работы: каждый день он продолжает отсылать резюме по новым объявлениям. И наконец ему стали звонить, словно бы запрет какой-то сняли. В его случае был важен один момент: нужно было устраиваться только неофициально, ведь иначе приставы будут забирать большую часть заработка. И такая работа нашлась. Его берут прямо на следующий день помощником мастера по установке дверей, со сдельной зарплатой и двенадцатичасовым рабочим днем. Первые несколько дней Макс тупо привыкает к новому жизненному темпу, натирая мозоли и надрывая спину. А когда он приходит домой после нескончаемого рабочего дня, то сразу же падает в кровать и засыпает до душераздирающего звонка будильника.

И так на протяжении двух недель Макс пашет без выходных, стараясь заработать как можно больше. Но однажды, прямо посреди рабочего дня, с ним случается эпилептический припадок. Перенося по лестнице дверь вместе с напарником, Макс чувствует резкую тошноту, и в следующее мгновение у него подкашиваются ноги и бежит пена изо рта. Так получилось, что Макс рухнул прямо на бетонные ступеньки, а дверь, которую он держал со своей стороны, накрыла его всей тяжестью. Обошлось без переломов, но сильные ушибы, вывихи и сотрясение мозга не дают ему возможности продолжать трудиться несколько дней. В связи с этим начальник принимает решение уволить Макса.

— Привет, Максим, — говорит он, позвонив по телефону. — Тут такое дело, ну, э... В общем, из-за твоей болезни нам придется расстаться. Мало ли что может случиться... А

вдруг бы ты вообще насмерть пришиб бы себя этой дверью... Ты пойми, ты же у нас неофициально устроен, и никому потом не хочется проблем. Кстати, а за зарплатой приходи завтра, отдадим все, что заработал.

Получает Макс немного, но это первые деньги, которые он заработал своими руками, а поэтому и близко не собирается тратить их на вредное пиво. С пивом он тоже решает завязать, как недавно завязал с крепким алкоголем и сигаретами. Теперь, учитывая, что затраты его свелись к минимуму, заработанных денег хватит на довольно приличный срок. Но все равно нужно продолжать искать какой-то доход, потому что с трудоустройством ситуация ухудшилась — больше он не может браться за работу, где подвержен рискам из-за постоянных припадков. Широкий набор вакансий сокращается до ничтожно малого списка. И Макс в голову приходит идея.

"А что если получить инвалидность? — думает он. — Эти припадки не дают мне возможность работать. Значит, я нетрудоспособный".

Пенсия по случаю инвалидности. Очень удобный вариант для человека, привыкшего получать деньги, практически ничего при этом не делая. А тут и обстоятельства: ведь приступы так и не прекратились — лишь уменьшились до одного раза в месяц (после отказа от спиртного). Врачи оказались правы, когда строго-настрого запретили всякое употребление.

Первым делом Макс идет в поликлинику и записывается на прием к тому же самому врачу, который изначально завел в амбулаторной карте начальные симптомы. Врач сообщает пациенту, что приступов зафиксировано мало и необходимо лечь на очередное обследование. Макс не против. Сначала он проходит всех необходимых специалистов, делает уже хорошо знакомое МРТ и уже потом ложится.

Когда обследование заканчивается, врач ставит окончательный диагноз — эпилепсия. После этого Максу назначают комиссию, чтобы получить инвалидность. Но на встрече с недовольным собранием в размере четырех человек Макс получает отказ.

— Вы не кажетесь мне инвалидом, — говорит один из них.

— А по мне, так вы просто не хотите работать, как все люди, — добавляет другой. — У вас есть руки и ноги, и с виду вы вполне здоровый парень.

— Но из-за приступов я не могу найти себе работу, — возражает Макс. — На последнем месте я чуть было шею не сломал, когда уронил на себя дверь.

— Ничего страшного. Ищите такую работу, которая не содержит риска для здоровья. Работайте в офисе, подметайте улицы в конце-концов.

— Но у вас моя карта, и там ясно написано заключение врачей. Вы обязаны дать мне инвалидность, потому что эти приступы...

— Мы ничего вам не обязаны. Вот когда приедете сюда на коляске без ног, тогда и поговорим. А теперь идите и работайте.

С сильным желанием сорваться и обматерить всех этих психологов и социальных экспертов Макс покидает стены учреждения. Пенсию получить не удалось, и он чувствует себя обманутым, униженным, последним человеком на земле. А впереди все те же скитания по трудоустройству и никакого интереса к жизни.

Даже Валерий говорил ему:

— Максим, тебе нужен какой-то интерес, какое-то увлечение, которым бы ты дышал и днем и ночью. И тогда, что бы ни случилось, ты всегда будешь знать, что у тебя есть что-то свое, что тебе душу отводит. А иначе ты, действительно, пропадешь. Это как скульптор,

занимающийся лепкой: он никогда не будет скучать и ему нет дела до черных жизненных полос, потому что он видит только свою статую. Ты понимаешь, о чем я?

Макс хорошенько запоминает этот разговор, а позже задумывается: ведь правда, он совершенно не раскрыл себя. С раннего детства и по сей день он даже не знает, что ему интересно в жизни. Никакого таланта, никакой искорки, запущенное здоровье и отсутствие какого бы то ни было опыта работы. Просто никчемный человечиска. И хорошо, что он сам это понимает и даже старается что-то исправить.

Впредь он жестко экономит деньги. Его единственные затраты — это кофе, крупа, телефонная связь и карточка метрополитена. Употреблять алкоголь он боится — все-таки припадки сократились в разы, спустя какое-то время трезвой жизни. Последнее падение было на той злосчастной лестнице с дверью в руках. Несколько месяцев прошло с тех пор. Таблетки как-никак тоже оказывают действие — о чудо фармакопеи! Но кошелек все равно пустеет, наверное, такова сущность любого кошелька. И ничего тут ни поделаешь, если, конечно, нет на счету в банке приличного вклада.

Идя по улице, Макс прикидывает, сколько он тратит каждый день, после чего прямо на ходу подсчитывает остатки, выгребая из портмоне даже мелочь. А в одном из кармашков он обнаруживает тест на беременность с синей полоской, а рядом еле заметная вторая. В один момент он сбавляет шаг и крутит безделушку в руке, но потом решает выбросить ее в урну. Выпрямив уголки купюр и сложив в стопку по убыванию, он прячет кошелек во внутренний карман куртки. Несколько минут Макс идет в глубокой задумчивости: ему вдруг вспомнились картинки славной жизни в маленькой квартирке, уютные вечера вдвоем с Анной. Он будто перенесся в то время, когда они смотрели перед сном семейную комедию, жевали ириски и пили зеленый чай.

— Котик, погладь меня тут, — говорила Анна, прикладывая его руку к своему животу. Я хочу, чтобы ты тоже почувствовал, как растет там наш ребенок.

— Но ведь ты еще на первом месяце, — отвечал Макс, прижимаясь к жене и целуя совсем плоский животик.

— Ну и что. Пусть малыш привыкает к отцовской заботе. Ты ведь будешь хорошим папой? Я знаю, ты будешь самым лучшим папой на свете.

А потом Макс вспоминает ребенка, слабого, борющегося за выживание, с коротенькой ножкой и глазками, залепленными пластырем. По щекам его текут слезы, губы он сжимает зубами, и ему хочется кричать. Но вернуть время нельзя — в этом даже Бог бессилён.

Макс резко разворачивается и быстро шагает обратно. Выгребая из урны холодный мусор, он находит дорогую для себя вещь и кладет обратно в секретный кармашек портмоне. Так будет лучше.

Невзирая на прохожих, Макс продолжает лить слезы, а ветер сдувает их к воротнику, охлаждая лицо.

Позже, немного успокоившись, он замечает впереди какого-то человека — тот идет вприпрыжку, держа на плечах маленькую девочку, и детский смех заполняет сквер звонкой мелодией. Макс еще долго будет слышать этот смех, пытаясь заснуть в своих четырех стенах.

* * *

Имея крышу над головой, за которую не надо каждый месяц платить, Макс больше не терзается страхами перед завтрашним днем. Теперь он рассуждает спокойно, с трезвой

головой. Действительно, нужно искать работу, где приступы не будут подвергать его серьёзной опасности. И Макс находит такую работу, не сразу, конечно, но в конечном счете берет в руки лопату и становится дорожным работником. Вот же ирония судьбы: раньше дорожные работники нанимались к нему, а теперь все наоборот. Прав был тот поэт, сказавший, что весь мир театр: неудачный актер, что плохо справился с культовой ролью, по велению всемогущего режиссера переходит на задний план — в массовку.

Устроившись на новую работу, Макс вкалывает физически по тринадцать или четырнадцать часов в сутки, даже больше чем на предыдущей. С раннего утра он орудует лопатой, наряду с такими же работягами, а домой возвращается уже затемно. И времени на личную жизнь у него почти не остается, ведь нужно выспаться, чтобы осилить завтрашний день. Поэтому Макс быстро принимает душ, перекусывает и сразу же ложится спать. Бороться с бессонницей больше не приходится. Утро же начинается так неожиданно, будто он и не спал вовсе. И так шесть дней в неделю. Макс даже не знает, как провести единственный воскресный выходной, чтобы почувствовать себя человеком, ведь впереди очередная рабская неделя. И еще ему не дает покоя тот факт, что он тупо продает свое время, причем очень дешево.

Проработав среди потных ребят три долгие недели, Макс недоумевает:

— Неужели я стал рабочим — простым трудягой? — спрашивает он себя. — Неужели я так и закончу — низшим звеном общества?

Но в ответ ему не приходит ни одна утешительная мысль. Никакого будущего, никакой перспективы вернуться в прежнее русло. Выбился из своего стада, как бедная овечка, и не знает, что делать. А в таком месте, где он теперь, не подают сладкого угощения на десерт, которым он когда-то обедался не чувствуя меры.

Ну да ладно, хватит аллегории. На обед компания выделяет: в отведенный час все рабочие ходят в ближайшую столовую и питаются. Среди них и Макс — стоит в очереди с подносом и удивляется, что большая часть работяг из его бригады не моет руки перед едой. Не может же быть, что они такие голодные и поэтому не думают о гигиене, ведь их пальцы так черны от грязи, что это вызывает отвращение у бедного бывшего интеллигента.

Еще больше его поражает то, как все сидят за столом: их манеры и поведение. Кругом чавкают, хлюпают и низко наклоняются к тарелкам, чуть ли не хлебая из них, как из мисок. Удивляет и их общение: даже за обедом они обсуждают технические моменты.

— Надо бы попросить у Саныча канистру солярки, — говорит один из ребят. — А то асфальт так прилипает к лопате, что руки отнимаются от лишней тяжести.

— Да-да, — подхватывает другой. — Моя лопата уже по швам трещит. А новые, я так понимаю, не собираются выдавать.

И от таких разговоров у Макса только портится аппетит. Он сразу вспоминает запах свежего, еще дымящегося асфальта, и ему кажется, что кусочки этой смеси плавают в супе. А столовая еда и так на один вкус, будто из бумаги вырезанная.

Но не только запах мазута подрывает обоняние бывшего обладателя голубых кровей. Еще он страдает от запаха пота, царящего повсюду, где находятся его соратники. Особенно остро это проявляется во время переодевания после трудового дня. И его до ужаса пугает, что скоро он сам станет промоутером подобного аромата.

Когда же заканчиваются процедуры переодевания и все расходится, Макс слышит, как многие строят планы на остаток вечера: практически каждый ждет конца рабочего дня, чтобы пойти и быстрее выпить пиво.

Побывав среди рабочего класса, походив в этой шкуре, Макс понимает, из чего состоит жизнь большинства этих бедолаг: сначала они вкалывают, а потом заливают себя дешевым алкоголем, потому что иначе никак. Такова их среда обитания, и они в ней, как караси в пресной воде. И попробуй им запретить употреблять все это пойло: они же начнут мыслить и требовать увеличения зарплаты. А пока есть доступное средство для сдерживания умственной активности, они продолжают терпеть постоянные задержки и скудные выплаты.

Помимо прочих разговоров, Макс почти от каждого слышит, как он недоволен своей зарплатой.

— А что, здесь всем платят только половину из обещанного? — спрашивает Макс, разговорившись с одним из них.

— Еще бы, — отвечает тот. — Обещать-то они умеют. Мне вот, например, уже полгода дают только часть от зарплаты, а остальное как бы в долг записывают. Говорят, что денег пока нет, что потом рассчитаются. Но я уже мало верю во все эти байки. Мы сдаем то один объект, то другой. Они же за выполненную работу получают деньги. Вот не поверю, чтобы им не платили за подряды.

— Но почему ты не уволишься? Не лучше ли найти другую работу?

— Я думал уже об этом. Но тогда, я больше чем уверен, мне не заплатят долг.

— Получается, ты, как раб, привязан к ним.

— Да, получается. И так везде сейчас — все втыкаются с зарплатой. И ничего даже выбить потом нельзя. Все мы тут оформлены на минимальный прожиточный минимум. Поэтому даже в суд обращаться бесполезно.

Подобных разговоров у Макса случается много — почти каждый день он общается то с одним, то с другим работягой. И мало-помалу он начинает к ним привыкать. Все-таки общая проблема сближает: всем им катастрофически не хватает денег.

Конечно, у Макса возникает, порою, раздражение к новому окружению. Люди ему кажутся какими-то недалекими, отставшими или пришедшими из другого времени. Интонация их речи, фамильярность, шутки Максиму просто чужды. Однажды в магазине, когда бригада затаривалась продуктами для обеда на трассе, он сделал вывод, что юмор многих до сих пор застрял где-то в пятнадцатилетнем возрасте.

— Мне пакет еще пробейте, — говорит один из рабочих на кассе.

— Вам какой, — спрашивает девушка, — большой или маечку?

— Пробейте ему футболочку, — встречает другой, после чего все давятся смехом. Но только не Макс. Он даже как-то глупо себя чувствует в этот момент. Неужели только он не понимает эти детские шутки? А может быть, это он единственный дурак среди всех остальных?

Но как бы там ни было, какими бы глупыми и неряшливыми они ни казались Максиму, с одним весомым фактом он не может не согласиться. Все эти другие люди, не приученные к такту, культурным манерам и светскому этикету, на удивление, совершенно открытые, приветливые и добрые. Жизнь их настолько потаскала, что даже не научила надевать маски. Не то что снобы из его прошлого общества, в ярких обтягивающих тряпках и с космическими подбородками.

"И как у них шея не затекает, так головы задирать? — думает Макс. — С такими-то попробуй заговорить: они тебе быстро покажут на твое место. Вот она, высшая раса мудаков, рожденных под звездами, с родительскими кредитками в карманах. И за что ж им такая удача? Наверное, в прошлой жизни лопатой работали".

Макс понимает, что уже смеется сам над собой: этакий клоун на собственном празднике, с единственным гостем — оскорбленным и униженным достоинством под названием "Я". И эта буква уже давно не смотрится вначале каждого его предложения. Теперь он никто и звать его никак. Да, и при таком статусе можно жить, оказывается. Живут же девяносто процентов населения.

А он и правда чувствует себя оскорбленным. Как это — не получить зарплату, когда целый месяц на ладонях мозоли натирал? Но Макса уверяют, что заплатят ему после второго месяца работы. Так и происходит: отработав следующий месяц, Макс, как и ожидал, получает лишь половину от первой зарплаты. Теперь он понимает, что дальше так и пойдет: придется работать за гораздо меньшие деньги, чем было указано в объявлении.

Больше Макс не задерживается на этом месте. Он снова открывает ноутбук и начинает просматривать новые вакансии. Нет-нет он позванивает в дорожную компанию, чтобы вытрясти свои по совести заработанные деньги. Тут-то он и ощущает на себе все то унижение, когда на каждый его телефонный звонок не отвечают или же кормят очередным завтраком, ссылаясь на отсутствие денег в компании. Настает даже день, когда Макс больше не хочет звонить и требовать расчета. Когда-то он сам был по ту сторону телефона, и кому, как ни ему, знать, каким образом все это происходит.

* * *

Рабочие места Макса меняются, как сезонная одежда, принося в карман жалкие гроши. А вот с одеждой все как раз наоборот. Его шмотки сильно износились: единственные джинсы до дыр протерлись в промежности и вытянулись в коленках. Не в лучшем состоянии и рубашки с протертыми локтями и выцветшими воротничками. Постепенно Макс превращается в оборванца. А пойти и обновить гардероб он не в состоянии, потому что до сих пор не нашел стабильного заработка и не может тратить лишние деньги.

Внешне он здорово опустился. Теперь он не похож на прежнего Макса, заходящего в любое заведение уверенным шагом и угощающего выпивкой мало знакомого человека, потому что это круто.

Порою Макс стесняется самого себя и это сковывает его до боли в груди. Проходя по людным улицам, он часто заглядывается на красивых девушек, но подойти к ним, как раньше, уже не решается. Денег-то нет, чтобы платить за развлечения и чувствовать себя при этом раскованно. А без денег он знакомиться не умеет, потому что возраст уже не тот, чтобы в парках гулять да лавочки насиживать. Но с инстинктами природными не поспоришь. Он все еще мужчина, и голод его изо дня в день нагревает либидо, пока не подталкивает к действиям. Макс начинает встречаться с девушками из дешевых летних кафешек, цепляя их прямо на улице. Второсортные красавицы, разносчицы кандидов и гонококков — таких всюду пруд пруди. Они пьют много-много пива, знают практически все марки сигарет и любят танцевать под дядюшку Лепса в исполнении неудавшегося вокалиста.

Но надолго Макса не хватает. Слишком все скучно, слишком дешево. Даже мышление у таких девушек недалекое.

Как-то он встречает Джессику и они явно смотрят друг другу в глаза несколько секунд. Макс здоровается и сразу же недоумевают от ответа.

— Мужчина, не приставайте ко мне, — отвечает Джессика, бледнея. — Я вас не знаю. И нечего со мной здороваться.

После этого Макс больше вообще не хочет связываться с женским полом. Уж пусть он будет один до лучших времен. Но когда уже настанут эти лучшие времена? Он часто задается этим вопросом, после чего погружается в глубокие мечты о заснеженных вершинах. Он строит себе планы на далекое будущее, что когда-нибудь удача снова повернется к нему своим прекрасным лицом и тогда у него будет собственный коттедж, несколько авто и новая компания друзей. Тогда-то он утрет носы всем старым знакомым, которые отказались ему помочь в трудную минуту.

А потом мечты прерываются, будто в сознание его вторгается злой и колючий монстр по прозвищу реальность. Ему становится паршиво и одиноко и хочется плакать. Он метает взгляды в поисках поддержки, но никто вокруг даже не знает о его существовании. Лишь надпись на стене бросается в глаза:

Ты мужчина, ты не можешь устать. На твоих плечах всегда лежит ответственность за твою семью. У тебя нет времени на слабость и уныние. Ты должен помнить о совести, верности, чести и гордости. А если ты устал — ляг и умри.

Единственная женщина, с которой Макс общается, это его мать. От нее он теперь всегда берет трубки и даже сам иногда звонит. Да и она вновь делает ставку на Макса, потому что знает, что он теперь свободный. И не важно, что он не сияет, как в былые времена, природная-то красота все равно осталась.

— О боже, Максим, как же ты исхудал, — сказала Людмила, еще когда сын приехал заселяться в свое новое убежище. — Неужели у тебя совсем нет денег?

— Так ты же и позаботилась об этом, — ответил Макс. — Ты же забрала себе абсолютно все. И даже отца оставила ни с чем.

— Ну, во-первых, Максим, ты сам от всего отказался, когда решил поступить по-своему. И к тому же до тебя было нельзя дозвониться. А во-вторых, когда я спросила твоего отца о том, как он мог взять и так глупо спустить все свое состояние и тем самым лишить нас, и в том числе тебя, будущего... знаешь что он мне ответил на это?

— Наверное, то же, что и мне...

— Он сказал: я все это заработал, я и спустил. Вот после этого я и поняла: у него что-то с головой произошло. Он совершенно не считает себя виноватым. А мне, извини меня, еще хочется достойно пожить. На тебя надежды нет. Ты вон себя-то содержать не можешь, потому что деньги до сих пор не научился зарабатывать. Да и папаша твой постарался для этого.

Макс тоже негодовал на отца, и также считал только его виноватым во всех бедах. Но что толку теперь. Злостью уже ничего не исправить.

А вот Олег Арсеньевич в это время опускался все ниже как по социальной лестнице, так и по финансовой. Его единственным занятием стала торговля на бирже, на которую он наткнулся все в том же интернете. Но он и близко не знал, что от биржи там одно лишь название, а все остальное — игра внутри брокерской компании. Казино, другими словами, лотерея для самоуверенных финансовых профанов, наивных трейдеров.

Олег быстро записывает себя в профессионалы, особенно после пары-тройки недель удачных ставок. Но в итоге все счета, деньги на которые выморозил у последних верящих в него людей, он сливает — просто превращает цифры из шестизначной суммы в двухзначную.

После этого Олег впадает в гипотимию, которая впоследствии переходит в депрессию и

легкое помешательство. Изо дня в день он кому-то звонит по телефону и разговаривает об одном и том же: объясняет, в каком случае нужно покупать, а когда продавать. А в один из обычных вечеров он уходит из квартиры-офиса, никого не предупредив. И только на третьи сутки его находят в зарослях сквера с простреленной головой, а в руке "Тульский Токарев", крепко сжатый окоченевшими пальцами.

Узнав о печальном событии, Макс не торопится оплакивать отца. Ему даже жаль, что виновник его бед так быстро и легко отделался.

Опознав труп в морге, Макс решает не забирать его оттуда. Он считает, что крематорий для Соболева — лучший вариант, потому что вряд ли кто-то будет приходить и навещать его могилу на кладбище.

* * *

"Может, и я скоро помру, — думает Макс. — Свалюсь в очередном припадке и больше не проснусь. И не будет никаких проблем потом". Но такие мысли Макс старается отгонять. Ему еще не так много лет, чтобы жалеть об упущенном времени. Да и упустил-то он самую малость, больше строил из себя бизнесмена и верхогляда, когда нужно было по-настоящему думать головой.

Недавно с ним произошел приступ. Долго их не было — месяцев пять, наверное, или больше. И это результат трезвой жизни как-никак. Макс, конечно же, не может не согласиться с социологом, который отказал ему в нетрудоспособной пенсии. В глубине души он и сам понимает, что нет никакой эпилепсии; есть только алкоголь, который приводит к неприятностям. И стоит окончательно завязать пить, как припадки уменьшатся до одного раза в год или вовсе исчезнут из его жизни.

Только теперь он понимает, что надо было хорошенько заплатить комиссии, чтобы получить такую сомнительную инвалидность. Но ведь тогда у него не было денег, впрочем, как и сейчас.

Так же и мать ему говорила, когда вывела на разговор про ребенка.

— Но откуда ты все знаешь обо мне? — удивился Макс.

— Да видела недавно этого Зенкова, — пояснила Людмила. — Он мне все и рассказал. Но про ребенка я давно знала. А он мне только про несчастный случай сказал.

— Конечно, от тебя разве что-нибудь утаишь.

— А не надо ничего скрывать. Не надо было вообще жениться на той девушке и рожать ребенка, раз не дорос еще, чтобы соображать.

— В чем именно я не сообразил, по-твоему?

— Да во всем, Максим, во всем. В таких делах надо все по уму делать. Тебе нужно было заранее договориться с врачом, сделать первоначальный денежный подарок. Или ты не знал, что везде нужно платить, а в особенности врачам? Ты забыл что ли, когда тебе аппендикс вырезали, как я бегала и за все платила? Тогда тебе и наркоз хороший сделали, и обезболивающее чаще давали, и вообще все перед тобой бегали и стелились. А если не платить, то будешь в порядке очереди своего дожидаться и повезет еще, если ноги об тебя не вытрут.

— Да, наверное, так и надо было мне сделать. Тогда бы все нормально было. И малыш бы родился здоровым.

— Да не наверное, а в любом случае. Ты что, вчера родился что ли? Не знаешь, как у нас

в стране все устроено? Вот если бы ты женился как следует, я бы лично сопровождала свою сноху во время беременности. Я бы нашла лучшего акушера и заплатила бы ему столько, чтобы ее сканировали с ног до головы всеми этими УЗИ и КТГ. Да ее бы там на руках носили, она бы все девять месяцев пролежала на сохранении, если бы потребовалось. Но ты же решил, что уже взрослый. А оказался птенцом, думающим, что крылья отрасли. Отрастил ты, Максим, только свою шутовину между ног и засунул ее не в то место.

Макс не знал что и ответить после такого утверждения.

Позже он часто ловит себя на мысли, что думает об Анне и ее неудачной беременности. А ведь он мог сообразить и заплатить, ведь тогда у него еще были деньги, которых бы хватило сполна.

Долгими часами Макс прогуливается по городу и продолжает обдумывать свои промахи. Может быть, все это было ему уроком, думает он. Но слишком дорогую цену пришлось заплатить за обучение.

Подобные прогулки он теперь совершает почти каждый день. И однажды он видит Анну. Она выходит из торгового центра, а рядом с ней какой-то мужчина — он открывает ей дверь, потом садится за руль, и они уезжают, скрывшись в потоке автомобилей. Макс не сразу поверил своим глазам, но это была, действительно, его бывшая жена. Она выглядела отлично, даже намного красивее, чем тогда, когда принадлежала ему, когда он имел на нее все права. Ему вдруг стало горько на душе, ведь Анна все еще оставалась родной для него. Но все это провалилось где-то там, в мутных воспоминаниях.

Безусловно, Анна была счастлива. А Макс почувствовал себя самым несчастным человеком на планете.

После этого события Макс идет в Храм Рождества Христова. У него одно намерение: он хочет помолиться за Анну, за ее будущих деток и благополучие в семейных делах. Он входит туда прямо в разгар службы. Иерей в это время машет кадилом перед алтарем.

Макс смотрит по сторонам, держа тонкую свечку.

— Ставь прямо у распятия, не ошибешься, — слышит он голос Димы позади себя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net